

ОГОНЁК
№ 22 МАЙ 1958
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Гагра. Солнечное утро

Фото Г. Зельма

На первой странице обложки: Хабаровск. Памятник героям гражданской войны. Фото Галины Санько.

На последней странице обложки: Дальний Восток. Залив Петра Великого. Фото С. Фридлянда.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

22 (1615)

25 МАЯ 1958

36-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ЖИВАЯ СКАЗКА

Михаил ДУДИН

Мир раскрывался с детской колыбели.
Таинственные звезды голубели
Живым огнем в бездонной глубине.
Я помню сказку:
В мертвом звездном прахе
Стоят слоны на плоской черепахе,
Земную твердь покоя на спине.

А время шло напористо и бурно,
И неизвестность, как кольцо Сатурна,
В бескрайнем мире окружала нас.
Жила мечта, один порыв лелея,
Она Коперника и Галилея
К иным мирам нацеливала глаз.

Она чертила эллипсы и дуги,
Пока седой волшебник из Калуги,
Опередивший время звездочет,
Не внес в математические знаки
Живую мысль космической атаки,
Не взвесил и не выверил расчет.

Вселенная! Твоя судьба раскрыта.
Уже выносит плавная орбита
В седую вечность первенцев земли.
И, мыслью человеческой согрета,
Дитя земли — свистящая ракета
Летит в твоей космической пыли.

Живая сказка вечности и славы,
К иным мирам грядущей переправы!
Ты окрыляешь и пьянишь сердца!
Я славлю мудрость, дерзновенье века,
Советского родного человека
И мысль его без края и конца.

Ленинград.

Рисунок Н. КОЛЬЧИЦКОГО.

ТРЕТИЙ, НАШ, СОВЕТСКИЙ СПУТНИК

Магнитная обсерватория в космосе

Профессор Ю. Д. КАЛИНИН,
доктор физико-математических наук

Среди исследований, которые проводятся на третьем спутнике, видное место занимает изучение магнитного поля Земли. Рассказать об этом корреспондент «Огонька» попросил профессора Ю. Д. Калинина — председателя рабочей группы по геомагнетизму в Комитете Международного геофизического года.

Как раз в это время профессору принесли полученную радиограмму, и, пробежав ее глазами, он склонился над географической картой с циркулем и линейкой в руках.

— Очередные координаты экспедиционного судна «Заря»,— пояснил он, отмечая точку в Индийском океане.— Замечательный это корабль — без единого железного гвоздя в корпусе.

После паузы профессор Калинин добавил:

— Впрочем, и на твердой земле наши обсерватории сооружены из особых немагнитных материалов, чтобы гарантировать нормальную работу приборов, регистрирующих явления земного магнетизма.

— Много ли таких обсерваторий работает теперь?

— На всем земном шаре их сейчас насчитывается около 250,— ответил Ю. Д. Калинин.— Они расположены и в средних широтах, и близ экватора, и на дрейфующих льдах Северного Ледовитого океана, и на высокогорных плато Антарктиды.

— Значит, с запуском спутника прибавилась еще одна?

— Одна, которая стоит многих. И именно потому, что она летающая,— подчеркнул профессор.— Ведь и сухопутные и плавучие обсерватории расположены на земной поверхности, то есть как бы на дне необъятного воздушного океана, окружающего нашу планету. А спутник в своем движении по орбите захватывает далекие от Земли слои атмосферы, проникает в область пространства, которая до сих пор была недоступна для непосредственных измерений земного магнетизма.

— Что можно сказать вкратце об источниках земного магнетизма?

— Вспомним опыт на школьном уроке физики,— сказал Юрий Дмитриевич.— Железные опилки, рассыпанные вокруг магнита, образуют дуги, выгибающиеся по направлению магнитных силовых линий Земли. Вспомним магнитный компас — древнейший и самый надежный навигационный инструмент, одинаково важный и на парусной шхуне и на реактивном самолете. Знание законов распределения земного магнетизма необходимо и для мореплавания и для авиации.

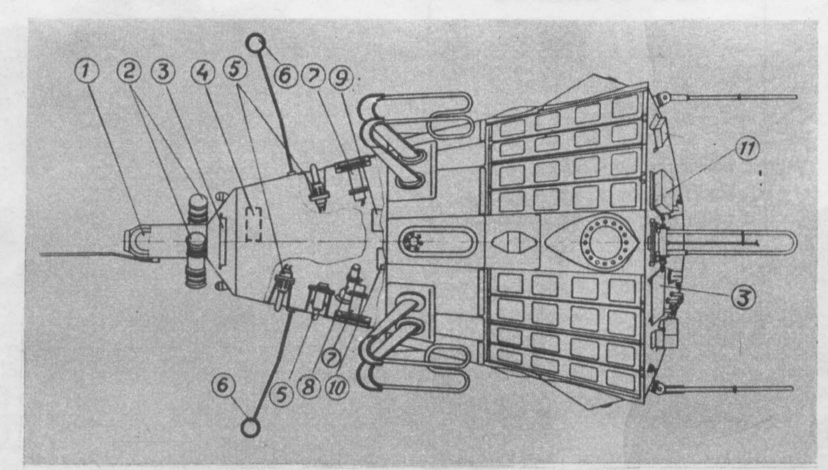

Схема расположения научной аппаратуры на третьем спутнике: 1. Магнитометр; 2. Фотоумножители для регистрации корпускулярного излучения Солнца; 3. Солнечные батареи; 4. Прибор для регистрации фотонов в космических лучах; 5. Магнитный и ионизационные манометры; 6. Ионные ловушки; 7. Электростатические флюксметры; 8. Масс-спектрометрическая трубка; 9. Прибор для регистрации тяжелых ядер в космических лучах; 10. Прибор для измерения интенсивности первичного космического излучения; 11. Датчики для регистрации микрометеоров.

Электронные блоки научной аппаратуры, радиоизмерительные системы, программно-временное устройство и электрохимические источники питания расположены внутри корпуса спутника.

По напряжению магнитного поля в различных районах планеты судят и о геологическом строении земной коры. Взглянем на современную геомагнитную карту. Тут и там она испещрена кривыми линиями аномалий. Наряду с местными аномалиями (вроде Курской), которые характерны большими залежами железных руд, существуют еще и мировые аномалии (например, в Канаде, в Сибири). Их происхождение объясняется не толь-

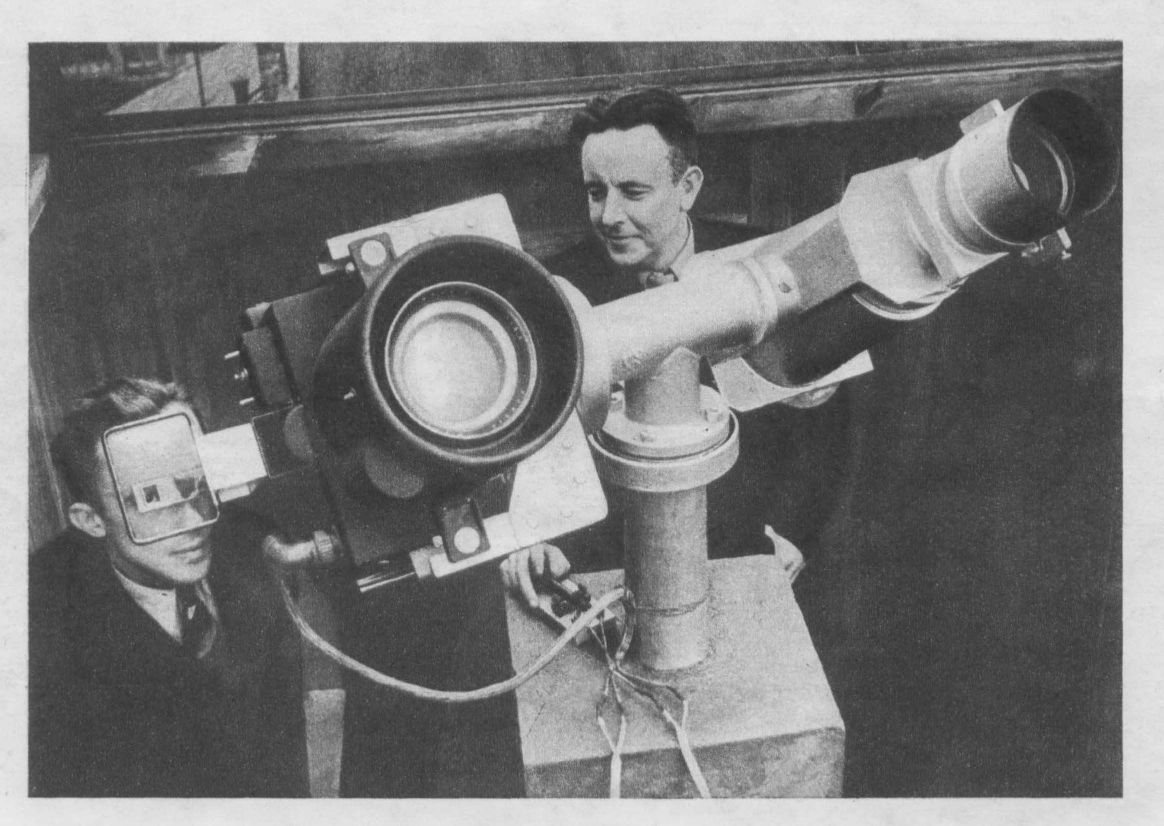
Миллионы глаз устремлены в небо

106 минут всего-навсего продолжается полный оборот третьего советского спутника вокруг Земли. Стремительно прочерчивает небосвод новое небесное тело, созданное волей и разумом советских людей. Спутник мчится еще где-то над Гренландией, а его уже готовятся наблюдать в Ленинграде. Вот пронзительные радиосигналы отчетливо слышны в Москве, а в следующие минуты спутник уже над Поволжьем, Казахстаном, Средней Азией...

Пекин... Варшава... Лондон... Вашингтон... Рио-де-Жанейро... Токио... Иоганнесбург... Аддис-Абеба... Всюду люди внимательно всматриваются в окуляры поднятых ввысь телескопов, в бинокли, всюду внимательно вслушиваются в сигналы, идущие из космоса. И всюду друзья мира и прогресса радуются замечательным успехам советской науки, от всей души приветствуют добрую волю нашего народа.

Горд и счастлив тот, кому удается увидеть спутник, слышать его сигналы. Об успешных наблюдениях и приеме сигналов сообщают из Ташкента, с полярных станций Антарктиды, с заснеженных вершин Заилийского Алатау, с берегов Балтики...

В Советском Союзе оборудовано для оптических наблюдений за спутником семьдесят станций. Двадцать пять из них снабжены специальными камерами для фотографирования.

Сотрудники астрономической обсерватории Латвийского университета в Риге наблюдают за спутником, принимают радиосигналы, отмечают время прохождения и фотографируют спутник. На снимке: доцент К. А. Штейнс (справа) и лаборант Э. Таденакс готовят в обсерватории фотоаппаратуру.

Фото Е. Ясенова (ТАСС).

ПРОДОЛЖАЕТ СВОЙ ПОБЕДНЫЙ ПУТЬ

ко геологическими причинами, связанными с земной корой, но и процессами, происходящими в глубине планеты.

Как считают ученые-сейсмологи, внутри Земли, в 3 000 километрах от поверхности, расположено жидкое ядро, в котором, вероятно, существуют электрические токи. Силу, направление этих токов, их деформацию ученые рассчитывают по распределению мировых аномалий, обнаруживаемых на поверхности планеты. Периодически повторяющимися наблюдениями установлено, что магнитное поле Земли изменяется на протяжении веков, как бы дрейфуя с востока на запад.

Вместе с тем происходят и кратковременные, периодические изменения земного магнитного поля, тесно связанные с третьим источником земного магнетизма, расположенным в ионосфере.

— Что же нового могут дать науке наблюдения, ведущиеся со спутника?

— Двигаясь по орбите, спутник находится в 1 880 километрах от земной коры и почти в пяти тысячах километров от жидкого ядра планеты. Сопоставляя наблюдения, ведущиеся на таком расстоянии, с данными наземных обсерваторий, мы сможем более правильно судить об источниках мировых магнитных аномалий.

Велико значение спутника и для изучения магнитных бурь. Бури эти вызываются вторжением в ионосферу так называемых корпускул — электрически заряженных частиц, выбрасываемых Солнцем и время от времени устремляющихся к Земле. Под воздействием корпускул в ионосфере возникают мощные электрические токи, происходят изменения, которые мешают отражению радиоволн, приводят к нарушению радиосвязи. Магнитные бури периодически учащаются, примерно через каждые 10—11 лет. Не случайно и проведение Международного геофизического года было назначено именно на 1957—1958 годы — на этот период приходится больше магнитных бурь, чем за любой из последних годов.

У экватора и в средних широтах корпускулы встречают препятствие в виде магнитного поля Земли. Корпускулярные потоки проникают в земную атмосферу в высоких широтах, чем и объясняется возникновение там полярных сияний. Существует теоретическое предположение, что во время магнитных бурь вокруг земного шара, в плоскости экватора, возникает кольцевой электрический ток, отдаленный от планеты на расстояние, равное нескольким ее радиусам, то есть примерно на 20—30 тысяч километров.

Приборами, расположенными на земной поверхности, нельзя точно разграничить влияние на магнитное поле Земли электрических токов в ионосфере и этого внеионосферного токового кольца. С помощью спутника, поднимая приборы выше ионосферы, мы получаем возможность проверить эту гипотезу и тем самым внести много нового в современную теорию магнитных бурь.

— Служит ли спутник изучению межпланетного пространства?

— Да, служит. До сих пор, располагая наземными средствами, мы наблюдали лишь те корпускулярные потоки, которые время от времени попадают от Солнца на Землю. Спутник же сможет собрать данные также и о корпускулярных потоках, проходящих вдали от Земли (а эти потоки движутся непрестанно). Так мы узнаем и о том, что происходит в межпланетном пространстве в периоды, когда на Земле нет магнитных бурь, и о том, как могут влиять эти происходящие там процессы на магнитное поле Земли.

В заключение корреспондент спросил:

— Впервые ли ведется изучение земного магнетизма с помощью спутника? Что можно сказать об аппаратуре, выполняющей эту работу?

— Да, впервые,— ответил профессор Калинин.— Исследования по магнетизму на третьем спутнике стали возможны благодаря его большим размерам и весьма удачной конструкции прибора, созданного в одном из наших институтов. Если обычные магнитометры, которые устанавливают на самолетах для аэромагнитной съемки, весят десятки килограммов, то на спутнике наш прибор весит всего 12 килограммов. Такое облегчение конструкции достигнуто заменой радиоламп полупроводниковыми элементами. Для электропитания магнитометра на спутнике требуется мощность всего в 20 ватт, то есть меньшая, чем нужна обычной электрической лампочке в комнате.

Модели советских спутников на выставке

Что нового увидят посетители Всесоюзной промышленной выставки? Директор выставки В. Э. Новаковский сообщил корреспонденту «Огонька»:

— Прежде всего хочется сказать о павильоне «Наука», где рассказывается о работах научно-исследовательских институтов Академии наук СССР в области физики, электроники, механики, радио... Центральное место здесь занимают дубликаты трех советских искусственных спутников Земли. Это точные копии тех спутников, которые были запущены в космос. Они оснащены приборами и источниками питания, как и подлинные спутники.

Знакомясь с этими уникальными экспонатами, экскурсанты смогут наглядно убедиться, какими шагами идет вперед советская наука и техника, каких новых успехов она достигла после запуска первого спутника.

О творческих победах советских ученых, инженеров, рабочих говорят и другие экспонаты. В двадцать одном павильоне показывается около шестидесяти тысяч экспонатов — на десять тысяч больше, чем в прошлом году.

Особенно интересен павильон «Химическая промышленность». Здесь широко показаны различные изделия из синтетического волокна и пластических масс: ткани, меха, трикотаж, обувь, мебель, автомобильный кузов, комната с пластмассовыми стенами, рамами, умывальниками.

Производство искусственного каракуля можно будет наблюдать воочию в павильоне «Легкая промышленность» — здесь установлено действующее оборудование. Машины в действии посетители увидят во многих павильонах. Так, женщины — любительницы вышивания — могут ознакомиться с новой машиной, автоматически выполняющей ряд операций по выпуску мулине и упаковке его в мотки и пачки.

Интересный экспонат ждет посетителей в павильоне «Высшая школа». Это аппаратура четырехканального телевизионного центра, сконструированного Томским политехническим институтом. Входим в первый зал и видим самих себя на телевизионном экране. Он показывает и то, что происходит в соседних залах.

Впервые на выставке демонстрируется комфортабельная многоместная машина «Чайка» производства Горьковского завода. Широко представлены мотороллеры разных типов: самосвалы, грузовые, с закрытым кузовом...

Экспонаты выставки, отражая деятельность советов народного хозяйства, наглядно показывают преимущества новой системы управления промышленностью и огромные успехи, достигнутые нашей страной во всех областях науки и техники.

Я. ЛАПИН

Монтаж экспонатов в павильоне машиностроения.
Фото В. Тарасевича.

Каирский журнал «Аль-Мусаввар» опубликовал портрет Насиба Метни, редактора газеты «Телеграф». Подпись гласит: «Герой-мученик Насиб Метни — первая искра революционных событий в Ливане».

←

В Бейруте восставшие выворачивали камни из мостовой для самообороны.

Пламя борьбы в Ливане

В ночь на 8 мая в Бейруте был злодейски убит общественный деятель Ливана, главный редактор и владелец прогрессивной газеты «Телеграф» Насиб Метни. Насиб Метни был известен как поборник национальной независимости Ливана и противник подчинения страны интересам американских монополий.

Эта открытая провокация против прогрессивных сил вызвала всеобщее возмущение в Ливане. Оппозиционные политические партии и профсоюзы объявили в стране всеобщую забастовку. Правительство послало против народа войска, танки, броневики. Прогрессивные силы Ливана ответили на это вооруженным восстанием.

Восставшие захватили город Триполи. Пламя борьбы бушует в городах Тир, Сидон, Бенд, Бент-Джебей. Идут сражения между правительственными войсками и восставшими в горах близ столицы Ливана — Бейрута. Не прекращаются кровавые столкновения в самом Бейруте.

С самого начала движение ливанских патриотов приняло антиимпериалистический, антиамериканский характер. Бывший председатель ливанской палаты депутатов Ахмед эль-Асад заявил, что народ «борется за освобождение Ливана от тирании, от марионеток империализма, от нынешнего режима».

Империалисты крайне напуганы восстанием народа. Они намереваются использовать эти события, чтобы вмешаться во внутренние дела Ливана, чтобы оказать новый нажим на арабские государства Ближнего Востока. Активную антиливанскую деятельность развернуло американское посольство в Бейруте. В Ливан перебрасывается американское оружие, предназначенное для расправы с мирным населением. Английские военные корабли отправились в восточную часть Средиземного моря.

Но ливанские патриоты не складывают оружия. Борьба антиимпериалистических сил за свободу и независимость страны продолжается.

Против восставших в Триполи были использованы броневики.

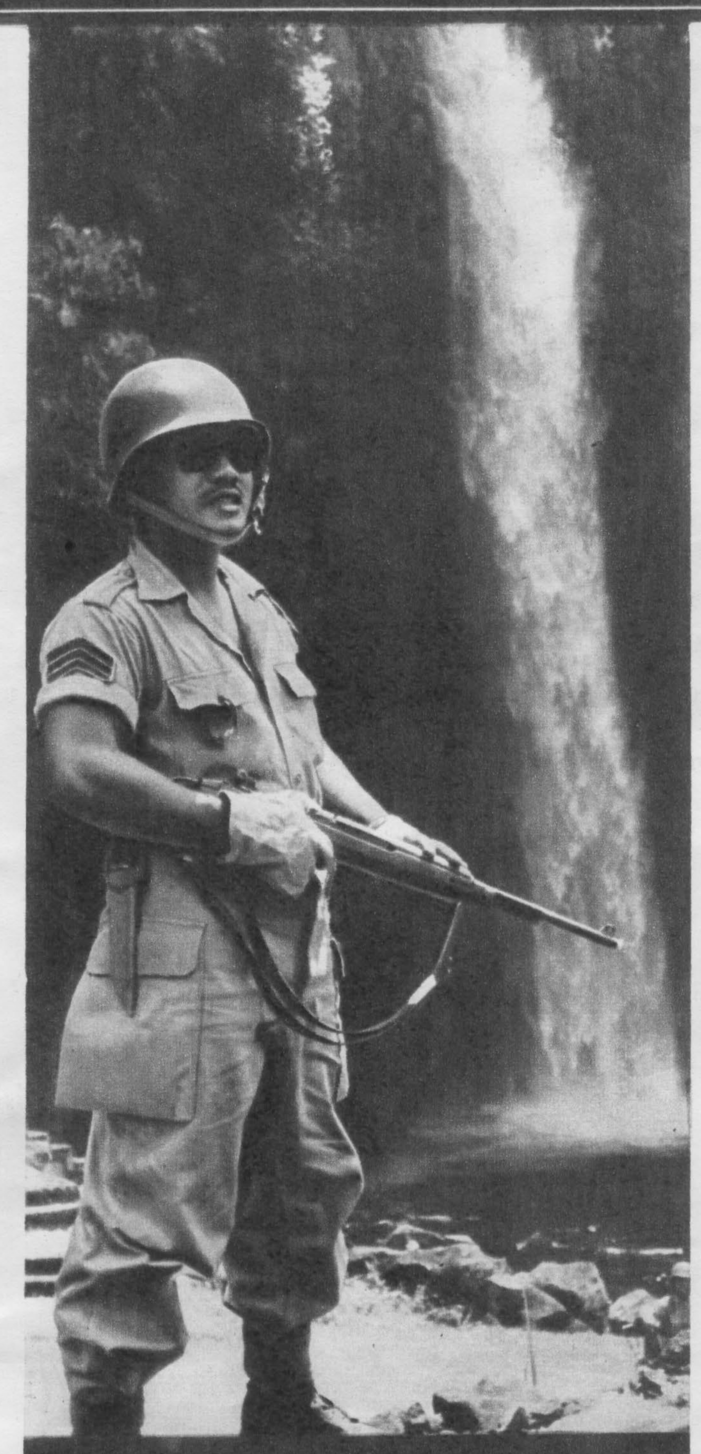

Бейрут. Солдаты правительственной армии в сопровождении пожарных машин патрулируют улицы.

Повстанцы в знак протеста против американского империализма разрушили и подожгли библиотеку Информационного центра США в Триполи.

РАЗГРОМ МЯТЕЖА НА СУМАТРЕ

28 апреля. Паданг. Я прилетел сюда через десять дней после освобождения города. Восстанавливается обычная жизнь. Пожалуй, только наше появление и нарушило нормальный распорядок в этой школе.

29 апреля. На сторону правительственных войск перешли три роты, которым командование мятежников приказало действовать вокруг Паданга с целью внести беспокойство в жизнь города. На вооружении этих рот были новейшего образца легкие автоматические пушки американского производства. Командовавший операцией правительственных войск полковник Яни осматривает одну из этих пушек. «Руководитель мятежников Хусейн получал оружие из-за границы», — подтвердил мне капитан Гунаван, арестованный при освобождении Паданга.

30 апреля. Правительственные войска уже продвинулись на несколько десятков километров вперед от Паданга. Они идут к Букиттинги с двух сторон. На одном из этих направлений два дня назад взят городок Савахлунто. Здесь захвачен склад с вооружением, главным образом американским. Все вооружение новое, его не успели даже распаковать...

Генрих БОРОВИК,

специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

Фотографии, которые вы видите на этих страницах, сделаны на Центральной Суматре между 28 апреля и 5 мая, то есть в последние дни существования там так называемого «революционного правительства», а вернее говоря, мятежников, пытавшихся продать свою родину иностранному капиталу. Законное правительство Индонезии, возглавляемое премьером Джуанда, армия республики предприняли решительные действия для ликвидации заговора на Центральной Суматре. В результате этих действий мятежники были разгромлены, их «столица» Букиттинги освобождена 4 мая, а «революционное правительство» в буквальном смысле разбежалось в разные стороны.

Озлобленные поражением, колонизаторы все еще продолжают свои провокации против индонезийского народа. Но индонезийский народ ощущает постоянную поддержку прогрессивных сил всего мира, которые требуют: «Руки прочь от Индонезии!»

2 мая. Солдаты патрулируют дорогу Падангпаджанг — Букиттинги.

3 мая. Падангпаджанг. Отсюда до Букиттинги 22 километра. Части продвинулись вперед, а здесь идет ремонт боевых машин.

Задумался солдат...

4 мая. Букиттинги освобожден! Передовые части вошли в город час тому назад. Солдаты прочесывают улицы. Вот они проходят мимо здания, где помещалось разбежавшееся «революционное правительство».

Улицы города сначала были пусты: мирные горожане ожидали сражений на улицах. Но мятежники бежали без сопротивления. И вот показались жители. Первое рукопожатие...

РАЗГРОМ МЯТЕЖА НА СУМАТРЕ

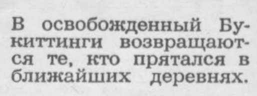

→ **5 мая.** Букиттинги. Сегодня еще одно радостное событие: соединились войска, шедшие с севера от Медана, с войсками, наступавшими с юга от Паданга. Прибывший из Медана заместитель начальника штаба вооруженных сил Индонезии генерал-майор Джатикусумо (слева) и полковник Яни обсуждают проведенную операцию.

← Письмо домой. Судя по выражению лица, солдат сообщает приятные вести...

Заслуженный отдых.

В освобожденный Букиттинги возвращаются те, кто прятался в ближайших деревнях.

Нет, спать еще рано! Борьба не завершена. Покончено с заговором на Центральной Суматре, но колонизаторы создают новый очаг военных столкновений в Индонезии — на Северном Сулавеси. Страны — участницы СЕАТО — продолжают помогать мятежникам. Иностранные самолеты бомбят индонезийские города, нападают на корабли. Нет, спать еще рано! Сейчас самое время почистить оружие и держать его наготове, чтобы неповадно было колонизаторам посягать на независимость Индонезии. Так думает этот индонезийский солдат, так думает индонезийский народ.

ЧЕЛОВЕК УМНОЙ ДУШИ

«Наш долг: помнить, что наша советская литература — передовой отряд литераторов всего мира в их борьбе за мир, за демократию, против войны и угнетения человека человеком».

Эти слова произнесла Ольга Дмитриевна Форш — старейший делегат Второго Всесоюзного съезда советских писателей, открывая первое заседание съезда в Большом Кремлевском дворце.

Ольга Дмитриевна родилась в 1873 году в крепости Гуниб, на Кавказе, где отец ее командовал дивизией.

Литературная деятельность Ольги Форш началась полвека назад, в годы жестокой реакции.

После Великой Октябрьской социалистической революции дарование Ольги Форш развернулось во всю ширь. Форш восприняла все лучшее, что дала ей культура прошлого,— широкие знания, мудрость большого мастера, отличный язык. Недаром Алексей Максимович Горький писал об Ольге Дмитриевне: «Форш — «настоящая» женщина... широко образованна, очень даровита, может написать крупные вещи». В 1929 году, прочитав книгу Ольги Форш «Под куполом» — книгу о Париже,— Горький так отозвался о писательнице:

«Талантливейший человек Вы, дорогая Ольга Дмитриевна! И — умница. Такая — настоящая, русская умница. Человек умной души... Хорошо видит глазок у Вас, и язычок хорошо заострен».

Ольга Дмитриевна избрала трудный, требующий высокой культуры путь в большую литературу. Для того, чтобы писать книгу «Современники», о великом художнике-живописце Александре Иванове и великом художнике слова Гоголе, нужно было не только обладать талантом, но быть «умницей» и знать, любить, чувствовать Россию. Сила Ольги Форш не только в наблюдательности, остром «глазке», в ясном и чистом языке, но и в мудрости. Без слащавой сентиментальности, слезливой чувствительности Ольга Форш писала о трагической судьбе даровитейших и благороднейших русских людей, таких, как первый русский революционер из дворян Радищев.

О Радищеве много писали, к этому образу еще не раз будут возвращаться, но трилогия Ольги Форш — «Якобинский заквас», «Казанская помещица» и «Пагубная книга» — будет долго привлекать широкие массы читателей. Это — произведение глубокого познавательного значения, и оно входит в число лучших произведений историко-революционного жанра в советской литературе. Не только широкая эрудиция автора восхищает читателей в трилогии Ольги Форш (эрудицией обладают многие ученые-историки), но тонкое чувство эпохи, ирония, сарказм, с которыми передан образ «казанской помещицы» Екатерины II, разоблачение «пышного» века богоподобной Фелицы, сочетание «просвещенного» абсолютизма с застенком Шешковского, галантной переписки с Вольтером и зверской расправы с автором «пагубной книги» Радищевым.

Разнообразны интересы писательницы, широка тематика ее исторических романов. Это образы русских зодчих Баженова, Росси и Воронихина в книге «Михайловский замок», время декабристов и эпоха «реформ» «царя-освободителя», горестная судьба узника Петропавловской крепости революционера Бейдемана в романе «Одеты камнем».

Не следует забывать и о том, что написанный Ольгой Дмитриевной в сотрудничестве с историком П. Щеголевым киносценарий стал основой хорошего историко-революционного фильма «Дворец и крепость».

Вспоминается речь Ольги Дмитриевны Форш три с половиной года назад на открытии Второго съезда писателей, ее правдивое слово:

«Черные силы империализма в последнее время на наших глазах с особенным упорством стремятся объединиться ради новой кровавой войны.

Их злой воле мы должны противопоставить нашу добрую волю, волю сотен миллионов людей к миру и дружбе между народами.

Их черной силе мы должны противопоставить нашу светлую силу людей, верящих в счастливое будущее для всего человечества».

Ольге Дмитриевне Форш исполнилось восемьдесят пять лет. Полвека плодотворно работая в литературе, она заслужила глубокое уважение, как старейшая русская писательница, «человек умной души», страстно и искренне верящий в счастливое будущее человечества.

Л. НИКУЛИН

НЕ ЛУЧШИМ ОБРАЗОМ

С английским футболом мы знакомы по выступлению нескольких профессиональных команд: «Арсенал», «Вулверхемптон Уондерерс» и «Вест Бромвич Альбион». Они показали нам типичные элементы островного футбола, несколько консервативного в тактическом своем проявлении, но высокотехничного и атлетического.

В прошлое воскресенье мы впервые увидели сборную национальную команду Англии, которая на стадионе имени В. И. Ленина выступила в товарищеском матче против сборной команды СССР.

Во многом она напомнила нам английские профессиональные клубы с их длинными и точными передачами, агрессивными атаками и подвижной обороной. На сей раз, однако, мы увидели довольно разнообразную игру нападающих, сломавших наконец строгий рисунок «дубль-вэ», в плену которого пребывал английский футбол добрых тридцать лет. Теперь центральный нападающий Дерек Кеван оказывался и на правом и на левом флангах, а левый крайний Том Финней то и дело угрожал нашим воротам в центре. Эти «новшества», наконец-то перенятые у континентального футбола, придали наступательным действиям англичан остроту и маневренность.

А в общем перед московским зрителем предстал хорошо сплоченный спортивный коллектив, где каждый игрок понимал своих партнеров и точно знал свое назначение в команде.

Особенно хочется сказать о безотказно действующей обороне англичан. Их ворота защищали то три игрока, а то и шесть, но всегда главенствовал среди них ветеран английского футбола, знакомый москвичам Билл Райт, который не только сам мастерски выбирал позицию, но и умело организовывал действия своих молодых партнеров. Райт появлялся там, где он больше всего был нужен.

Моменты его единоборства с Эдуардом Стрельцовым были едва ли не самыми интересными. Перед игрой Райт сказал журналистам: «Я знаю форвардов «Спартака» и «Динамо», но ни разу не играл против Стрельцова. Он для меня загадка».

По всему видно было, что английский ветеран побаивался резких рывков и широких финтов Стрельцова. Но он был достаточно бдителен и применял весь свой опыт и мастерство, чтобы «разоружить» усилия центра нападения советской команды. К сожалению, Стрельцову плохо помогали в его попытках прорваться к английским воротам. В этом повинны главным образом его ближайшие партнеры, особенно Ю. Фалин, который не всегда понимал, что происходит на поле. К тому же полузащитники слишком увлеклись оборонительными функциями и почти без боя отдали середину поля гостям.

У нападения советской команды не было организатора наступательных действий, «инженера» атак, «дирижера». Все форварды «из кожи лезли вон», но индивидуальные старания их не давали должного эффекта.

Сто тысяч зрителей видели несласженность наших футболистов, которые играли явно ниже своих возможностей.

Матч, как известно, закончился ничейным результатом — 1 : 1. Однако в данном случае цифры не выражают соотношения сил. Советские футболисты сыграли не лучшим образом и выглядели бледнее своих хорошо подготовленных гостей.

Товарищескую встречу с англичанами мы не можем занести в актив советского футбола.

Китайская поговорка гласит: «Каждая неудача делает нас умнее».

Нет сомнения, что руководители сборной команды учтут все слабости, которые с такой ясностью проявились в последнем матче, сделают нужные выводы и подготовят коллектив к ответственным встречам в Швеции.

И когда наши футболисты будут выходить на поле Гетеборгского стадиона, следует им сказать:

— Внимание! На поле англичане!

М. МЕРЖАНОВ

Момент единоборства Э. Стрельцова и Б. Райта.

Фото А. Бочинина.

МНЕНИЕ АНГЛИЙСКИХ КОММЕНТАТОРОВ

На встречу национальных сборных команд Советского Союза и Англии крупнейшие английские газеты послали ведущих спортивных обозревателей. Они поделились с корреспондентом «Огонька» своим мнением о матче.

Дезмонд ХЭККЕТ («Дейли экспресс»)

Русские футболисты меня разочаровали. Мне кажется, что и болельщики на стадионе остались не совсем довольны игрой своей команды. Среди советских игроков я отметил бы центр — форварда Стрельцова.

По моему мнению, английская команда играла в полную силу. Что касается русских, то они, очевидно, покажут более сильную игру на первенстве мира в Швеции.

Рой ПЕСКЕТТ («Дейли мейл»)

Я остался недоволен ударами русских футболистов. Мне пришлось видеть, как русские играли против сборной Франции и против сборной Венгрии. Тогда они били по воротам лучше. Да и клубные команды, которые я видел — «Спартак» и армейские футболисты,— тоже лучше обстреливали ворота.

Особое впечатление произвели советские болельщики. Это очень справедливые зрители.

Джон КЭМКИН («Ньюс кроникл»)

Русские в этом матче очень много играли в центре, плохо использовали своих крайних нападающих и слишком мало угрожали воротам англичан.

Что касается игры нашей команды, то следует иметь в виду мюнхенскую катастрофу, которая нанесла тяжелый удар английскому футболу.

Если русские будут играть так же, как они провели этот матч, им плохо придется в Швеции.

Ольга Дмитриевна ФОРШ.

К 85-летию со дня рождения.

Фото С. Фридлянда и Б. Уткина.

Институт инженеров железнодорожного транспорта.

ХАБАРОВСК.

Фото Галины Санько.

На улице Карла Маркса.

Хабаровску — 100 лет

В. РУДИМ

Фото Л. Данилова.

Есть города, которые могут понравиться с первого взгляда, своеобразие которых чувствуешь сразу, с первых минут.

Таков Хабаровск. Своеобразие его — в ощущении большого простора. Главные магистрали города лежат на высоких, параллельно расположенных холмах. Поперечные улицы бегут волнистыми лентами то вниз, с холма, то вверх, «на перекат».

Мы побывали в Хабаровске в дни, когда весеннее небо становилось все ярче и ветер-«снегоед» делал быстрые набеги на город, словно проверяя, не затерялись ли где-нибудь в теневом укрытии остатки зимы.

Вот-вот должны были раскрыться почки, и все с волнением ожидали дня, когда весь город преобразится в наряде клейких листочков. Именно весь город: в Хабаровске зеленые насаждения занимают 420 гектаров, вдоль улиц рядами тянутся аллеи, справа и слева от мостовой.

Город готовился отметить свое столетие. Сто лет... Многое вписал этот век в историю освоения Дальнего Востока русскими людьми.

В одном из старых справочников — за 1913 год — сказано, что в Хабаровске «площадь застроенной части города достигает 110 десятин», что имеется «свыше 70 верст протяжения улиц и около 15 десятин общественных и частных садов», что среди жилых строений «не более 75 каменных».

О чем еще сообщали справочники? О триумфальной арке в честь Николая II, о гарнизонном собрании, о гауптвахте, о магазинах русских и иностранных фирм.

Некоторые из этих «достопримечательностей» сохранились до наших дней. В здании гарнизонного собрания теперь помещается Театр юного зрителя. В городской управе расположен Дворец пионеров.

Путешествуя по городу вместе со старожилом Акимом Аверьяновичем Волошиным, мы словно листаем страницы истории.

Аким Аверьянович помнит Хабаровск сплошь деревянным, помнит, как еще в 1916 году в самом центре увязали в лужах извозчики...

Участник гражданской войны коммунист Волошин рассказал нам и о боях с белыми (он командовал в те годы отрядом на Уссурийском фронте) и о том, как рос, благоустраивался, хорошел город в годы пятилеток.

...Выезжаем на широкую магистраль.

— Улица Степана Серышева, командовавшего Народно-революционной армией Дальневосточной республики,— поясняет Аким Аверьянович.— Много тут и памятников прошлого и сегодняшних примет.

На двухэтажном здании мемориальная доска: «1918—1920 гг. Место трагической гибели героев гражданской войны от рук белогвардейцев и иностранных интервентов».

— Тут находилась гауптвахта атамана Калмыкова, в ее подвале истязали большевиков.

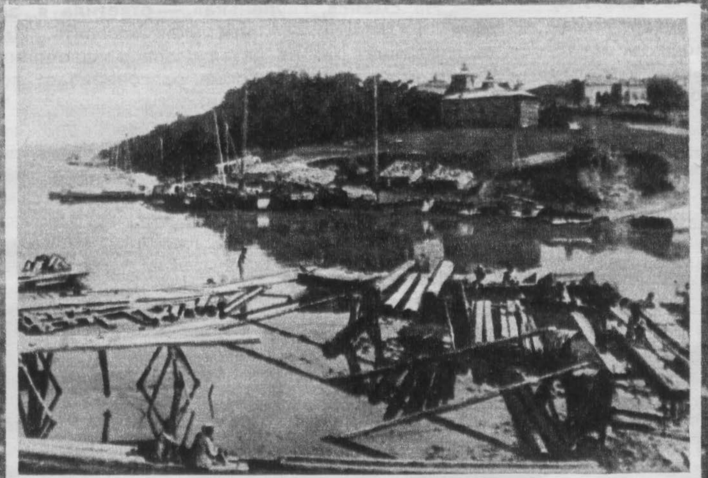
А чуть подальше взору открывается уже совсем иная картина: взметнулись в синеву светлые многоэтажные жилые дома. Дальше — сквер с молодыми елочками, за сквером — шестиколонный подъезд Института инженеров железнодорожного транспорта.

Куда ни поедешь — всюду четко вырисовываются силуэты башенных кранов. Продолжают строиться заводы: «Амуркабель», станков-автоматов, отопительного оборудования, мебельная и швейная фабрики, масложиркомбинат... Да разве все перечислишь! Кстати, о промышленности города: тридцать лет назад здесь было всего шесть предприятий, на которых насчитывалось около девятисот рабочих. А ныне в Хабаровске более ста фабрик и заводов!

Одна из многочисленных городских строек прямо связана с юбилеем: на Вокзальной площади сооружается постамент для памятника Ерофею Павловичу Хабарову. Русский землепроходец XVII века, он одним из первых проник в Приамурский край. Военный пост, основанный в 1858 году при слиянии Амура и Уссури, был назван в его честь Хабаровкой. Позднее Хабаровка стала городом.

Между прочим, в краеведческом музее есть любопытный документ: информационный приказ владивостокского военного губернатора от 1 декабря 1893 года. В нем на основании телеграммы приамурского генерал-губернатора, поступившей из Хабаровки, доводилось до всеобщего сведения «высочайшее повеление» о переименовании Хабаровки в Хабаровск. По датам, приведенным в приказе, можно определить, что телеграмма, извещавшая об этом, шла из Хабаровска до Владивостока... более месяца!

Покидая Хабаровск, мы еще раз прошли в городской парк на высоком берегу, чтобы вновь полюбоваться могучим разливом Амура и Уссури, посмотреть на волнистую, затянутую лиловой дымкой горную гряду Хехцира, за которым лежат уже земли великого дружеского Китая. Отсюда, с крутого берега, еще ощутимей своеобразие большого и интересного города — центра огромного края на востоке нашей Родины, края, славного людьми и богатствами, края, у которого большое будущее!

Вид с Амура на Военную гору. 1897 год.

Улица Серышева, проходящая по Военной горе. 1958 год.
Фото И. Ганюшкина.

МОЛЧАЛИВЫЙ БЕНИТО

Рассказ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА.

Мария Роса ОЛИВЕР

Мария Роса Оливер — аргентинская писательница, видная общественная деятельница, участница конгрессов сторонников мира. Ей присуждены Золотая медаль мира (1952 год) и международная Ленинская премия «За укрепление мира между народами» за 1956 год.

С равнины, на которой раскинулся Буэнос-Айрес, дальние горы кажутся голубыми островами. На одном из них, покрытом пышной растительностью, мы проводили в детстве летние каникулы. К нашему приезду расцветали грозди маленьких лиловых звезд коричного дерева; их нежный аромат, наполняя воздух, заглушал тяжелое благоухание эвкалиптов.

С тех пор прошло много лет. Сегодня, как всегда, парень из соседней деревни привез нам мясо и, привязывая лошадь к дереву, стал рассказывать, что недавно на шоссе был найден негр Бенито, убитый выстрелом в затылок... Распустившиеся грозди коричного дерева и произнесенное имя мысленно перенесли меня на двадцать пять лет назад.

Бенито было тогда лет девять — десять. Его круглое лицо обрамляли очень короткие вьющиеся волосы, и подчас казалось, что они приклеены к голове, а не растут на ней. Должно быть, он жил со своей семьей в низине, где на заболоченной почве, недалеко от нашего дома, сооружали свои жилища самые бедные из бедных. У него, наверно, были родители, но к нам он приходил всегда один.

Обычно он появлялся незадолго до полудня. Казалось, припекавшее солнце, от которого даже соловьи переставали выводить свои трели, ему не причиняло ни малейшего беспокойства. Иногда он приносил в грязной тряпице с полдюжины яиц или тащил несколько кур, связанных вместе за лапки. Когда он приходил безо всего, в его ладонь не падало ни одной монеты.

В полдень мы обедали в комнате, смежной со столовой для взрослых. Здесь за плотными шторами сохранялась прохлада. То и дело в эту комнату забегали, болтая, крича и ругаясь, ирландка-домоуправительница, креолка-няня, немка-бонна и повар-итальянец. Кто-нибудь из них по просьбе моей матери приносил поесть Бенито.

Он садился на пороге, прислонясь спиной к косяку двери, ставил тарелку на колени и ел с аппетитом, но без жадности. Вилку он держал правильно, а ложку зажимал в кулаке. Для нас это не имело никакого значения. Также было неважно, что он всегда ходил разутым и ноги его казались серыми от дорожной пыли. Что бы ни делал Бенито и как бы ни делал, мы не осуждали его: все в нем было своеобразно и неподражаемо.

Он был так молчалив, что мог сойти за немого. Молчаливость отдаляла его от нас и в то же время привлекала наше внимание. За него говорили его глаза с голубоватыми белками и глубокими зрачками, в которых мелькали золотые искры. Если ему задавали вопрос, он подтверждал или отрицал едва заметным движением головы. Лишь один раз мы видели, как он улыбался.

Это случилось в рождественские праздники. Елки у нас не росли, и мои родители украсили цветными стеклянными шарами, серебряными гирляндами, игрушками и свечами растущий в саду олеандр. Когда загорелись свечи и нас всех созвали, из темноты, полной мерцания светлячков и писка комаров, выступил Бенито; не произнося ни звука, он смотрел широко открытыми глазами на огни, которые бросали скользящие отблески на его влажную кожу, почти такую же черную, как сама ночь.

Дядя Антонио, праздный холостяк, принес целую коробку хлопушек. Обычно в них находят карнавальные шапочки, но на этот раз внутри хлопушек дяди Антонио оказались позолоченные колечки с большими разноцветными камнями. Увидев колечки, Бенито замер от восхищения, а мой отец, заметив это, принялся нанизывать их ему на пальцы до тех пор, пока пальцы не перестали сгибаться. На его руках, как бы выточенных из черного дерева, фальшивые драгоценности казались тонкой работой искусного ювелира, а камни из стекла превращались в восточные жемчуга, рубины и сапфиры. Посмотрев на свою руку, Бенито улыбнулся.

Потом мы зажгли бенгальские огни, запустили бумажный воздушный шар. Отец попросил Бенито помочь ему подержать шар над огнем. Наполнившись теплым воздухом, шар стал, покачиваясь, подниматься все выше и выше, прямо к созвездию Южного Креста. Но ничто больше не вызывало улыбки у Бенито, и нам так и не пришлось увидеть еще раз ослепительного, как молния, блеска его зубов.

В тот вечер мы легли спать поздно. В праздничном возбуждении мы долго не могли уснуть. В темноте я услышала шепот моей младшей сестры:

— Кого тебе напомнил Бенито с кольцами?

— Сказочного мавританского короля... Гаспара, да?

— Точь-в-точь,— подтвердила она, довольная тем, что мы думаем одинаково. И тотчас добавила: — Дядя Антонио — настоящий идиот. Зачем он зовет Бенито черномазым?

— Папу это выводит из себя, ты заметила?.. Поэтому он рассказал нам «Хижину дяди Тома». Ты помнишь?

— Да... Он еще что-то рассказывал. Почему, он сказал, в нашей стране мало негров?

— Потому что здесь не было ни табачных, ни кофейных плантаций, а негров завозили как рабов, чтобы работать на этих плантациях.

Помолчав, сестра прошептала:

— Завозили... завозить... Я думала, что можно завозить только вещи, а не людей... Люди сами путешествуют,— продолжала рассуждать она. У нее возникла новая мысль: — Если негры приехали из другой страны, то, может быть, поэтому Бенито не разговаривает с нами. Может быть, он, как фрейлейн, не знает испанского языка... Кроме того, ты помнишь, папа нам рассказывал, что здесь, в Аргентине, из-за зимних холодов многие негры умерли от туберкулеза? Может быть, поэтому у Бенито нет родных?

— Я не знаю, есть ли у него родители или нет, но ты его не вздумай спрашивать. Ты слышишь?

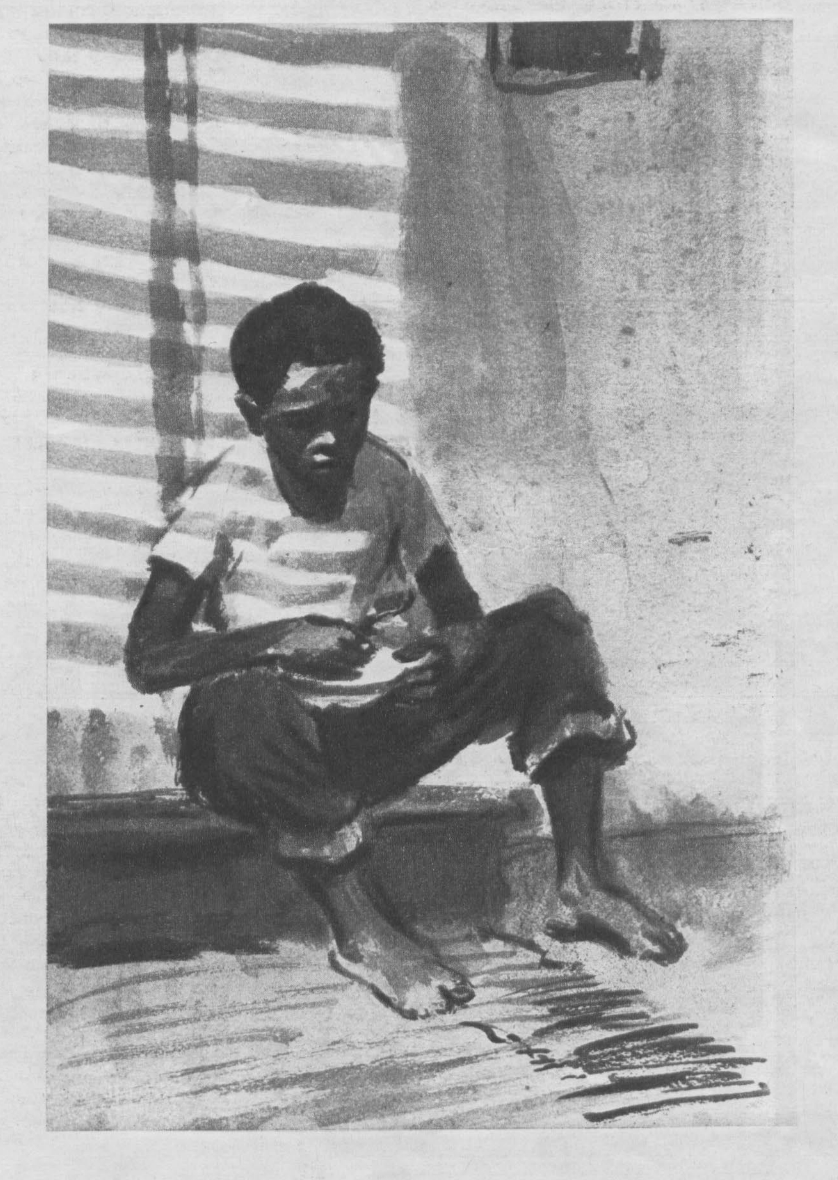
— Почему нельзя спросить его об этом?

— Следует уважать его молчание,— ответила я наставительно.

Моя сестра тихонько засмеялась, а потом с издевкой спросила:

— Где ты вычитала эту фразу?

— Не смейся, глупенькая, — ответила я, задетая за живое. — Книги учат мыслить. Или ты думаешь, что их читают для развлечения? Я вот знаю, что Бенито не разговаривает потому, что он очень беден.

В темноте я слышала ее учащенное дыхание. Раздражали ее мои наставления или начали волновать такие же мысли? Через несколько минут она спросила:

— Почему беден Бенито?

Вопрос этот был трудный. Ответить ей убедительно я так и не сумела.

— Не знаю, — промямлила я. — Может быть, потому, что его отец мало зарабатывал.

— А мы богатые, да?

— Да...

— А вот дядя Антонио целый день бездельничает, а у него денег больше, чем у нас. Ему их оставил дедушка. Так папа говорил...

Теперь настала моя очередь вздыхать: сестра хотя и предпочитала куклы книгам, соображала быстрее. Я замолчала.

— Это отвратительно, правда?

— Что?

— Что на свете есть бедные и богатые... Как ты думаешь, он это понимает?

— Кто?

— Бенито... И поэтому, наверно, не разговаривает. Конечно, что он может сказать?! — снова вздохнула она.

Я ей напомнила, что Бенито не только не разговаривает, но даже не играет с нами, хотя ему столько же лет, сколько и нам. И не потому, что он боится сломать наши игрушки. Он не играл с нами и тогда, когда мы лепили пирожки из глины или делали ожерелье из зерен. Он только наблюдал за нашими играми, и этого, казалось, было ему достаточно. Сестра задумалась и, вероятно, не слышала меня. Немного погодя она спросила:

— Ты веришь, что когда-нибудь у всех детей будут игрушки и все ребята будут разговаривать друг с другом?

Она спросила это осторожно, будто боялась, что я отвечу отрицательно. Чтобы успокоить ее, а скорее, чтобы доказать, что в книгах можно почерпнуть кое-что ценное, я сказала:

— Знаешь, когда папы нет, я забираюсь в его библиотеку и читаю книги, которые он оставляет на столе. Особенно то, что он подчеркивает карандашом. В одной книге говорится, что с нищетой будет покончено, когда все трудящиеся соединятся.

— Да? А еще о чем там написано?

— Остальное я не поняла... Какие-то странные слова... «капитал»... «прибавочная стоимость»... Что такое «прибавочная стоимость»?

Было бесполезно продолжать разговор. По размеренному дыханию сестры я поняла, что она спит.

Я не могла заснуть. Я спрашивала себя: в нашей стране уже нет королей и принцесс, которых я видела только в европейских иллюстрированных журналах, а придет ли такое время, когда не станет ни праздных богачей, как дядя Антонио, ни мальчиков, которым приходится есть, как собакам, на пороге чужого дома? С открытыми глазами я пролежала до тех пор, пока не смолкло ночное уханье сов и началась утренняя перекличка петухов.

Около пятнадцати лет я не возвращалась в наше загородное поместье. Большая часть земли — холмы с плодовыми деревьями, пастбища — была распродана. Теперь нам принадлежали только дом, эвкалипты и коричные деревья вокруг него. Этого было достаточно, чтобы отдохнуть от суеты Буэнос-Айреса и поработать в спокойной обстановке. В один из ненастных, дождливых зимних дней я села в поезд и поехала туда.

Уже стемнело, когда поезд остановился на станции, расположенной километрах в пяти от нашего дома. На платформе ко мне подошел высокий статный Отелло в широких шароварах, заправленных в сапоги, и с пончо на шее. Взяв из моих рук чемодан, он снял сомбреро и сказал:

— Я Бенито, хозяйка. Вы узнаете?

Нет, я его не узнала. Я впервые слышала его голос.

Он усадил меня в ветхий автомобиль с брезентовым верхом и с трудом завел ручкой мотор.

— Это «форд» выпуска двадцатого года, — объяснил он, садясь за руль. — Не мой. Его владельцы — хозяева мастерской. Я у них раньше работал смазчиком.

Сидя рядом с ним, я заметила у него на пальце гладкое серебряное кольцо и спросила, давно ли он женился.

— Уже несколько лет тому назад. На одной из дочерей итальянца Тромбета. Помните его? Он был пьяница, но дочь у него выросла добрая, работящая. У нас уже есть один ребенок, и мы ожидаем еще одного.

— В общем, тебе повезло?

— Кому повезло, хозяйка? Кабы машина была моя. Я и пятой доли не получаю со всего, что зарабатываю на ней. Бензин стал дорог, и хозяева не повышают нам зарплаты.

— А много людей работает на твоих хозяев?

— Много. Все машины, которые перевозят пассажиров, принадлежат им. Теперь они объединились с одним импортером автомашин, который добился монополии на перевозку пассажиров во всей округе. Это уже настоящий трест, барышня. Полиция тоже за них. Комиссар — он раньше был консерватором — тоже участвует в бизнесе. Конечно, все они... Я не хочу никого обидеть...

— Я не консерватор, Бенито.

— Ах, нет?! Смотри, как получилось! А ваш покойный дядя Антонио был именно таким.

Я засмеялась.

— К счастью, я не пошла по его стопам.

— Бывает, — ответил он, немного успокоенный, и продолжал: — По правде говоря, все это будет до тех пор, пока мы, рабочие, будем тянуть каждый в свою сторону и довольствоваться одними посулами. На обещания они не скупятся, а на общественные интересы плюют. На интересы всего народа, понимаете? Посмотрите. — Он ткнул пальцем вперед, на дорогу. — Видите? Какой грузовик может пройти здесь, не увязнув по самую ось?

Действительно, дорога, покрытая в некоторых местах огромными лужами, превратилась в такую кашу, что машина, хотя и имела на колесах специальные цепи, буксовала и еле продвигалась вперед.

— И земледельцы разоряются: они не могут сами вывозить свои продукты. Им тоже надо объединиться, чтобы пресечь эти злоупотребления, чтобы общественные деньги шли на развитие страны, на увеличение благосостояния народа. — Он легко находил точные, сильные слова, которые ему, наверно, подсказывала сама жизнь.

Мы подъезжали к дому. Пахло гнилыми листьями, мокрые эвкалипты распространяли вокруг свой тяжелый лекарственный запах. С почерневших веток коричных деревьев свисали гроздья круглых желтых семян. Не слышно было пения птиц, зато кваканье лягушек не прекращалось ни на секунду. Старый дом с заколоченными дверями и окнами показался мне неуютным. Все было не так, как в детстве во время каникул.

— Бенито, ты помнишь наше детство? — спросила я, выходя из машины.

В ответ он, как прежде, кивнул головой, не произнося ни слова.

Я рассмеялась.

— Ты был такой молчаливый.

Он понял, почему я это сказала, и тоже улыбнулся. Как в тот далекий рождественский праздник, ослепительно белые зубы осветили его темное лицо.

— Что вы хотите, хозяйка? — улыбнулся он еще больше. — Поневоле заговоришь: я участвую в профсоюзной борьбе и... конечно... только вы не смейтесь... вынужден выступать на собраниях.

Я похвалила его и сказала, что придерживаюсь тех же взглядов, что и он. Снова настороженно, Бенито ответил:

— Вы, может быть... может быть, а другие против. Комиссар сказал: «Если этот негр не замолчит, нужно будет заткнуть ему рот свинцом».

«Теперь, — подумала я, услышав о том, что его убили, — Бенито умолк навсегда». Но парень, который привез мясо, привязав лошадь к дереву, добавил:

— В полиции говорят, что его убили, чтобы угнать машину, но мы знаем, что это неправда. Его убили, чтобы он не выступал на собраниях. Так будет продолжаться до тех пор, пока трудящиеся не объединятся по-настоящему.

Да, нашего Бенито заставил замолчать подлый выстрел в затылок. Но его слова продолжают жить. Пламенем его сердца горят сердца других людей, его слова звучат у них на устах. Думы и чувства Бенито разносятся в воздухе страны, как летом в полях аромат коричного дерева.

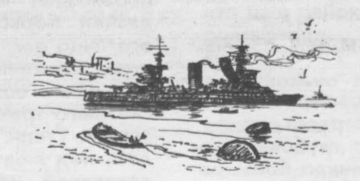
Перевел с испанского
В. БЕЛЕНЬКИЙ.

Песни

Ник. КРИВАНЧИКОВ

Если признаваться откровенно,
то уже давно сказать пора:
Севастополь музыкальней Вены
в летние бывает вечера.
С моря от подъема до отбоя,
с танцплощадок и того поздней,
город наш, взлетают над тобою
песни, что одна другой нежней.
С песней ходим в море и на стройки,
на свиданья к девушкам своим.
Правда, иногда поются строки —
что скрывать! — с зарядом холостым.
И должны мы сделать все совместно
так, чтоб, крылья не щадя свои,
торопились слушать соловьи
наши севастопольские песни!

Севастополь.

ВСТРЕЧА

Марк ШЕХТЕР

Зима сложила скудные пожитки:
Кошелку льдинок звонких — и ушла,
Усталая, продрогшая до нитки,
Окончив вьюжных месяцев дела.

Она клюкой месила снег лежалый
И обходила стороной Москву,
А ей навстречу девочка бежала,
Держа в руках зеленую траву.

В косынке пестрой,
В платьице из ситца,
Она по кочкам прыгала, смеясь;
И полетела песня-озорница
В небесную синеющую ясь.

Тогда, вздыхая немощно и глухо,
В подбитой ветром стеганке худой,
Прошамкала бездомная старуха:
«Была и я когда-то молодой!..»

Готовится семенное зерно.

В ЗНАКО

Сабит МУКАНОВ

Фото М. Цодиковича.

Секретарь Кокчетавского обкома партии Алексей Ефимович Клещев с минуту подумал, а потом сказал:

— Какой же вам район посоветовать? Честное слово, сразу и не решишь! Каждый по-своему интересен. Ну, скажем, поезжайте в Рузаевский. Большой, сложный район. Или в Кзыл-Ту. Этот по площади равен Гурьевской области. Или, например...

Я выбрал Кзыл-Ту.

Давно-давно, тридцать восемь лет назад, довелось мне работать инструктором ревкома в Петропавловском уезде тогдашней Акмолинской области. В 1920 году, после рождения Казахской республики, в этом уезде была образована Кзыл-Туская волость. А впоследствии слили воедино несколько волостей — появился Кзыл-Туский район.

Так что Кзыл-Ту не был для меня просто географическим названием. Правда, своими глазами я его не видал: в те далекие времена казахская степь была решительно не приспособлена для путешествий. Зимой из-за свирепых буранов не всякий отваживался отправиться даже за десять верст. Летом на лошадях доехать до ближней границы волости можно было лишь за полмесяца. От ближайшей железнодорожной станции Кзыл-Ту находился в 250 километрах. Вот и путешествуй тут!

Алексей Ефимович, вероятно, догадался, о чем я думаю.

— Проехать в Кзыл-Ту теперь не проблема,— сказал он.— Можно поездом, дорога недавно проложена и действует. Можно самолетом — через час будете там... Я предпочел самолет.

Самолет покачал крыльями, и Кокчетав остался внизу. Вот уже курорт Боровое, а за ним тянется в сторону Кзыл-Ту бескрайняя степь. Даже отсюда, с высоты, невозможно окинуть ее взглядом. Черту далеко отодвинувшегося горизонта можно только вообразить, ее не видно в дымке. Чудится, что где-то там степь плавно отрывается от земли и уходит в небо...

Среди этого однообразия выделяется лишь тонкая, прямая, как натянутый аркан, нитка железной дороги, а на ней разрозненные звенья бус — поезда.

Рядом с дорогой, параллельно ей, проложена автотрасса.

Самолет заложил глубокий вираж. Под нами возникло большое село. Это и есть Кзыл-Ту.

Самолет сделал несколько кругов, словно примериваясь, и пошел на посадку. Пилот остановил машину у крайнего домика, едва не чиркнув винтом по стене. Нет, он не сделал ошибки. Местный «аэропорт» примыкает вплотную к селу.

— С доставкой на дом! — улыбнулся пассажирам пилот.

— Знаете, у журналистов есть такой прием. Когда им надо сообщить читателю подряд несколько цифр, они делают это не просто, а с присловьем. Мол, красноречивее всяких высокопарных выражений простые цифры. Они, мол, расскажут вдумчивому читателю многое. За цифрами кроются живые дела...

Антон Михайлович Иванов, секретарь Кзыл-Туского райкома партии, перелистал в папке бумаги, вынул большой разграфленный лист и продолжал, хитро сощурив глаза:

— Так вот, я тоже хочу воспользоваться этим испытанным приемом. В 1953 году наш район имел под посевами 27 890 гектаров. Это составляло три и одну десятую процента всей годной для пахоты земли. Мало? Безобразно мало! Но тогда мы, при всем желании, больше посеять и не могли: техника была не та. На этакий махинище-район только две МТС, да и в тех машины новизной не блистали.

Антон Михайлович скользнул взглядом по рядам цифр, задержался на жирно подчеркнутой рубрике.

— Однако за 1953-м пришел 1954 год. То у нас не было ни одного совхоза, а теперь образовалось сразу одиннадцать. 338 совхозных тракторов навалились на целину и подняли 220 тысяч гектаров. Машинный парк, обслуживающий колхозы, увеличился почти вдвое, и это тоже принесло свои плоды: за год колхозная пашня расширилась в девять раз.

И вот настал 1956 год. Тут длинно рассказывать нет нужды. Вся страна вписала тот год в свою историю как год большой победы на целине. Конечно, можно сказать, что лепта нашего района — это лишь одно зернышко в золотом океане целинной пшеницы, но все же посмотрите опять-таки на цифры. Мы собрали в том году 382 486 тонн хлеба, то есть в тридцать раз больше, чем в 1953-м. Нет, что ни говорите, а цифры — штука убедительная!

Я смотрел в открытое лицо Антона Михайловича, и мне казалось, что, перебирая эти многозначные числа, он как бы заново переживает все подробности недавней борьбы за хлеб. Вот на его лицо легли блики ночного костра, зажженного из промасленной пакли возле неожиданно заглохшего трактора в холодной весенней степи. Вот оно нахмурилось под желтым светом лампы в совхозной конторе, где за полночь собрались механизаторы. А вот уже его глаза щурятся от дыма в прокуренном, не поддающемся никакой вентиляции кабинете председателя колхоза. И наконец на этом лице отразился мягкий, золотистый свет, какой испускает волнующееся созревшее пшеничное поле в час вечерней зари.

— Да-а,— задумчиво протягивает Антон Михайлович,— всяко бывало...

Мы сидим втроем в комнате — Антон Михайлович Иванов, председатель Кзыл-Туского райисполкома Камали Мырзахметов и я.

Иванов — уроженец Кокчетавской области, всю жизнь прожил здесь. Он хорошо говорит по-казахски. Мырзахметов так же свободно владеет русским. Но у меня час от часу почему-то все больше крепнет убеждение, что эти два человека — русский Иванов и казах Мырзахметов — могут прекрасно обходиться вообще без всяких слов: они понимают друг друга с одного взгляда.

— Но ты еще не все сказал,— обращаясь к Иванову, вступает в разговор Мырзахметов.— Целину подняли — хлеба больше стало. Это верно. Но ведь не единым хлебом жив человек. На целину кто пришел? Какой народ пришел? Грамотный, технический. Были и шалопаи разные, но они не в счет, были, да сплыли восвояси. А построили и строим сколько? А культура?

Мырзахметов встал и зашагал вдоль стены, высокий, с умным, красивым лицом. Горячность, с какой он говорил, была понятна. Если бы человек не знал прежней казахской степи, а приехал сюда на готовое, он, наверное, ничему бы не удивился. Скорее даже нашел бы кое-что еще несовершенным, нуждающимся в доделках и поправках. А про Камали Мырзахметова мне было известно, что он местный, кокчетавский. Родился в 1918 году. Учился, как все советские ребята. Был пионером, комсомольцем. С первых дней Великой Отечественной войны ушел на фронт. В 1945 году вступил в партию. Кончилась война — сразу вернулся в родные края. Окончил в Алма-Ате партийную школу — и на работу. Если не считать четырех военных лет, вся жизнь его прошла здесь. Уж кто-кто, а он-то знает цену событиям, перевернувшим здешнюю жизнь.

— Ты говоришь, цифры! — по-прежнему обращаясь к Иванову, громко говорил Камали Мырзахметов.— А это тебе не цифры: комбайнов стало в 1956 году в семнадцать раз больше, чем в 1953-м! Автомашин — в тринадцать раз, чертова дюжина, несчастливое число, а сколько это несчастливое нам в работе помогло! А другое возьми: было одиннадцать тысяч душ в районе, а сейчас — девятнадцать с половиной. Прибавка! И опять говорю: какая прибавка! Тут не в количестве главное — в качестве. Кадры же пришли! И потом, тебе, как партийному руководителю, еще одна подробность важна. Кто у нас тут жил и работал лет пять назад? Казахи и русские. Других национальностей не было. А сейчас? У меня пальцев не хватит сосчитать всех. И украинцы, и белорусы, и грузины, и армяне, и татары — двадцать их в общем, вон сколько!

Антон Михайлович слушал все это с таким выражением, словно проверял по словам Мырзахметова свои собственные чувства. И было видно, что Антон Михайлович очень доволен: все совпадало. Но уже секунду спустя он нахмурился. Голос его, когда он заговорил, звучал совсем не в тон предыдущему.

— А все же не одни сплошные радости были.

Мырзахметов вопросительно посмотрел на него.

— Я про минувший год,— спокойно ответил Антон Михайлович.— В пятьдесят седьмом посеяли мы в районе на девять тысяч гектаров больше, чем в пятьдесят шестом, а собрали чуть ли не в три раза меньше. В чем дело? Засуха. Не повезло с дождями... Но сваливать на матушку-природу — дело последнее. В этом году мы дадим, пожалуй, немного больше, чем в рекордном пятьдесят шестом.

— Но как? А вдруг опять засуха?

— Разные пути есть,— помолчав, сказал Антон Михайлович.— Можно, например, посевную площадь увеличить. Мы хотим в этом году пустить под посев 423 тысячи гектаров. Как это сделать?

Антон Михайлович поднялся из-за стола.

— В общем, мы с вами занимаемся здесь, что называется, теорией. Поедем к практикам. Скажем, в совхоз «Толбухинский». Совсем недалеко, всего двадцать километров. Кстати, и директор «Толбухинского» тут — Федор Трофимович Моргун. На его машине и отправимся...

Тут нужно вернуться немного вспять.

МЫХ МЕСТАХ

...Кокчетав. 1954 год. В кабинете одного из областных учреждений на столе разложена карта. Человек с волевым, энергичным лицом, сдвинув густые темные брови, следит за движениями карандаша, обозначающего на карте контуры будущего совхоза «Толбухинский». Сто тысяч гектаров. Абсолютное безлюдье. Только на урочище, называемом «Зимовье Тельжана», помечено человеческое жилье.

— Тут землянка,— уточняет объясняющий. — Сейчас мороз пятьдесят градусов. Буран. Ехать можно только на тракторе. Другой транспорт не пройдет. При известной удаче попадете в Кзыл-Ту дней через десять. Решайтесь.

Федор Трофимович Моргун решился. Он не откладывал отъезда ни на один час.

Трудно сказать, что давало ему неколебимую уверенность в успехе. Скорее всего, врожденная любовь хлебороба к земле, помноженная на характер, на образование и на решимость, воспитанную временем.

Федор Моргун — сын крестьянина. Уроженец Донбасса. Окончив Днепропетровский сельскохозяйственный институт, работал агрономом в одном из свекловодческих совхозов Украины.

Он приехал в Кзыл-Ту на десятый день, как и предсказывали ему в Кокчетаве. Но удача в данном случае ни при чем. Скорее, упорство.

И сейчас мы едем по совхозному поселку, раскинувшемуся с подветренной стороны рощи; господствующие ветры здесь — северные.

Улицы широкие, ровные. Новые дома уютно глядят глазастыми окнами на прохожих.

— Поедем к землянке? — спрашивает Федор Трофимович.— Это было первое мое жилье у нас в совхозе.

Машина сворачивает с дороги, и тут же Моргун говорит шоферу:

— Остановись!

В чем дело?

Навстречу нам едет верхом на лошади старый казах. Дубленные ветром щеки, морщины вокруг глаз, по-казахски редкая седая борода.

Старик легко, по-молодому, спрыгнул с седла, бросил поводья коню на гриву. Федор Трофимович стремительно выскочил из машины. Они обнялись, похлопали друг друга по спине.

— Знакомьтесь! — крикнул Моргун.— Вахит Медетов. Первый человек, которого я здесь встретил. Сторожил ту землянку.

Дальше мы не поехали. Видно, директор совхоза приглашал меня в землянку не ради нее самой, а специально для того, чтобы повидать старика. Что значит землянка, когда-то бывшая единственным кровом в этом обжитом ныне месте? Так, музейный экспонат. А для директора растущего совхоза важны люди. И я сделал вид, что забыл о намерении Моргуна показать мне «Зимовье Тельжана».

— Далеко собрался, Вахит? — весело кричал Федор Трофимович.

И старик так же весело отвечал:

— В магазин надо. Кое-что покупать надо.

Они были явно довольны тем, что увиделись.

— Ну ладно, Вахит. Заходи в гости.

— Ты тоже заходи...

Они снова похлопали друг друга по спине и распрощались.

— Поедем хозяйство смотреть,— предложил Федор Трофимович.

Мы выехали на дорогу. По ней сновали грузовики: в одну сторону — груженые, в другую — порожняком. Директор совхоза объяснил, что идет переброска зерна из дальних амбаров на центральный пункт семенного фонда.

Федор Трофимович высунул руку в окно. Шедший нам навстречу порожний грузовик остановился. Открыв дверцу, на подножку шагнул шофер — молодой, крепкий казах.

— Здравствуй, Каби! — сказал Моргун.— Как дела идут?

— Возим, Федор Трофимович. Там, на ссыпке, жарко приходится. Быстро возим.

И наши машины разминулись.

— Это Сагындыков. Хороший шофер,— покосившись на нашего шофера, сказал Моргун.

Еще издали мы увидели большие янтарные холмы семенного зерна. Хлопотливо шумел транспортер, возле которого с деревянными лопатами в руках орудовали рабочие. Зерно золотым ручьем текло по транспортеру на вершину холма.

— Отборное! — похвалился Федор Трофимович.

Потом мы поехали в первую тракторную бригаду. У трактористов было весело: ремонт машин закончили полностью. Парторг совхоза Михаил Назаров только что вручил лучшему трактористу Николаю Горбаченко красный вымпел.

А затем мы ходили по поселку. Побывали в клубе, в школе, в больнице, заглянули на выставку картин-вышивок — искусных произведений совхозных рукодельниц...

Я все время ждал, когда же Федор Трофимович заговорит наконец о самом главном — о предстоящей страде, о задаче, которая стоит перед совхозом. Поначалу казалось, что он целиком поглощен заботами сегодняшнего дня и не думает о стратегических, если можно так выразиться, вопросах. Но я ошибался.

Уже в сумерках, когда мы, усталые, возвращались домой, он сказал задумчиво:

— Не шуточка — сдать два с половиной миллиона пудов. Поработать придется... А как подумаешь, что наш район замахнулся на двадцать пять миллионов... Управимся!

Несколько дней спустя, сидя в зале на пленуме Кокчетавского обкома партии и слушая выступавших с трибуны хлеборобов, я вспомнил другой зал и другое выступление. Тогда, в совхозе «Толбухинский», мы с Федором Трофимовичем Моргуном сидели на концерте самодеятельности и слушали песню. Парень — звали его Зейнет Габдулвахитов — играл на домбре, а девушка — Майра Сабирова — пела. Песня называлась «Кзылбидай» — «Золотое зерно».

И вот здесь, на пленуме, где шел серьезный разговор, эта песня вдруг явственно зазвучала у меня в ушах. Я понял, почему: и в песне и в речах ораторов говорилось об одном и том же — о страстном желании хлеборобов взрастить богатый урожай...

Из задумчивости меня вывел громкий женский голос, сказавший с трибуны:

— Мы, кокчетавцы, сделаем так, чтобы переходящее республиканское кзыл-ту в нынешнем году стало наше!

Кзыл-ту — по-русски красное знамя. Выступала Нагима Сарсенева, первый секретарь Айртауского райкома партии.

С места чей-то знакомый мне голос крикнул:

— А областное Красное знамя возьмет Кзыл-Ту!

Я оглянулся — это был Антон Михайлович Иванов. И мне захотелось пожелать ему удачи.

Нет, не ему одному — всем, кто сегодня вышел на поле боя за урожай этого года.

Золотые зерна, брошенные людьми в благодатную казахстанскую землю, дадут стократные всходы.

Кзыл-Ту,
Кокчетавская область.

Авторизованный перевод с казахского.

Федор Моргун и Вахит Медетов.

Гляжу вперед

Йожеф ФОДОР

Я верю: мир идет не к бою,
Не к неизбежности атак.
Уступит ненависть покою.
Я верю: будет так!

В глазах погаснет волчья злоба,
Сердца откроются, любя.
Но, если хочешь мира, в оба
Гляди вокруг себя.

Ты видишь: в лживой маске дикость
Ползет от западных границ.
Безумье, алчность и двуликость
Во впадинах глазниц.

Обман, коварство и измена
Прикрыты ханжеством святош.
Опять расизм воскрес из тлена
И снова точит нож.

Есть и поэты-ренегаты.
Пытаясь что-то бормотать,
Они воспетое когда-то
Торопятся предать.

Сквозь окна, двери и ворота,
Где только щели засквозят,
Сочится в сердце патриота
Полунамеков яд.

Рядятся в алый плащ свободы
Разбой, насилье и корысть.
Из мрака тянутся уроды,
Чтоб вспять направить жизнь.

Но в мире есть другие люди!
Они в стремлении вперед
Торопят день, который будет,
И счастье, что грядёт.

Смотри: над глупостью и грязью
Они высоко вознесли
Свободный труд и светлый разум
Для блага всей земли.

Старайся быть на них похожим,
На них равнение держи
И сделай все, что только можешь,
Для развенчанья лжи.

Люблю строителей кипучих,
С неостывающей душой,
Всегда в исканьях, как бы лучше
Устроить шар земной.

Борясь, они срывают маску
С трибунов атомной войны,
Чтоб стали войны страшной сказкой
Жестокой старины.

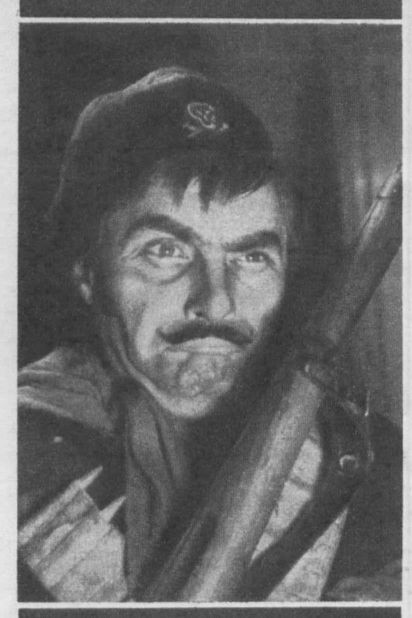
Земля придет, придет к покою!
Предвижу мира торжество,
Но надо собственной рукою
Завоевать его.

Перевел с венгерского **Дм. СЕДЫХ.**

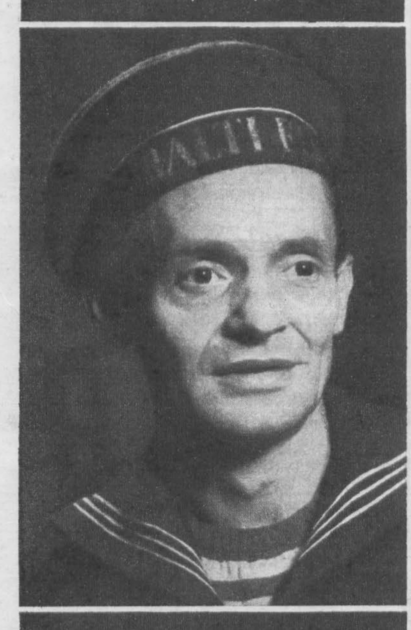
Нестареющее, нетленное...

Вайнонен — Пал Бестерезеи.

Анархист, главарь пополнения,— Габор Агарди.

Алексей — Янош Гёрбе.

Александр ШТЕЙН

Есть на военном корабле обязанность, ответственная, почетная, — «впередсмотрящий». Когда теперь видишь на сцене пьесы Всеволода Вишневского, рожденные два с лишним десятилетия назад, не можешь не поразиться их нетронутой свежести, их живому и сильному биению, их актуальности в самом лучшем значении этого слова. Да, Всеволод Вишневский был «впередсмотрящим» нашей советской литературы. Искусство его останется потомкам. Иногда с ошибками, с издержками, но всегда отважно шагал писатель по избранной им дороге, отстаивая свою линию в драматургии — линию на большие масштабы, на сочетание романтики и героики с глубоко реалистическим изображением дел людей и революции, беспокойно ища новых форм для выражения нового, революционного содержания...

Недавно случилось мне попасть на спектакль «Оптимистической трагедии» в Театре имени Петефи в Будапеште, и сызнова был я захвачен гигантской силой конденсированного сценического слова Вишневского, сызнова потрясла меня неумирающая и неувядаемая актуальность этого творения советской драматургии.

Пьеса шла в Будапеште не первый день. Однако театр был полон, и у входа висел аншлаг: «На сегодня все билеты проданы». Такая дощечка появлялась в дни, когда в Театре имени Петефи давали «Оптимистическую», неизменно, всегда! Казалось, давно отшумели события, изображенные в пьесе, ушла в историю трагическая судьба матросского полка, поведанная драматургом, но то и дело вспыхивают в зале горячие аплодисменты.

Спектакль поставлен молодым одаренным режиссером Кароем Казимиром, при консультации советского режиссера Г. Товстоногова. Спектакль получился своеобразный, с размахом, с запалом, в манере, которая бы, наверно, пришлась по душе автору пьесы. Схватка Комиссара с анархистской разгульной вольницей, грозящей погубить все завоевания революции, борьба Комиссара за души людей — эта главная драматическая коллизия пьесы подчеркнута сценически рельефно, решена умело.

Ощущением цельности, силы и одновременно трогательностью веет от образа Комиссара, вылепленного актрисой Жужей Банки: в нем и обаяние мягкой женственности, и чистота чувств, и несокрушимая убежденность, дающая человеческой воле крепость гранита.

Много усилий, таланта, любви вложили в спектакль и другие его участники; их труд оценили по достоинству пресса и, самое главное, будапештская публика. Вот о ней, о публике зрительного зала Театра имени Петефи, о том, на что она реагирует наиболее активно в пьесе Вишневского, о том, что находит отклик в ее душе, мне и хочется сейчас сказать.

Как только высветил прожектор в глубине зрительного зала медленно идущих к сцене двух могучих балтийских моряков, завязывается меж ними и зрителем, меж зрителем и Вишневским незримый, крепчающий с каждой репликой, с каждым новым эпизодом контакт. Это контакт единомышленников.

Маленькая горстка коммунистов, побеждающая разбушевавшуюся мелкобуржуазную стихию, грозящую захлестнуть завоевания революции; смерть героев, утверждающая новую жизнь,— об этом, как известно, написана пьеса Вишневского. Известно также, что многие идеи, волновавшие автора, отлились в чеканных, пламенеющих монологах старшин матросского полка, ведущих действие. Как бы от имени автора, как бы от имени его сердца, ведут они разговор с сегодняшним зрителем.

Помните страшный эпизод: из люка двинулся на Комиссара огромный, полуголый, татуированный человек... Помните, как маленькая женщина заставила уважать себя самых отпетых, самых отчаянных... Но анархистам удалось оттеснить от нее моряков, лишь маленький финн остался рядом. Помните их полный лаконизма диалог: «Ты один?», «И ты одна, Комиссар?», «А партия?»

И тогда выходят вперед два балтийца, старшины матросского полка. Их взгляд обращен в зрительный зал. Они и спрашивают и напоминают о том, что было, о том, что «в списке раненых коммунистов — Владимир Ленин, а среди убитых — Володарский, Урицкий, двадцать шесть комиссаров, целые губкомы и начисто вырезанные организации. Но разве дрогнула партия?»

Надо было видеть это, надо было вам очутиться здесь, услышать бурный отклик всего зрительного зала на эти слова, на слова второго «ведущего», заключающие авторский монолог: «Тот, кто попробует стать против такой партии, против нашей страны, тот будет сломлен и растерт»!

«Оптимистическая трагедия» Вс. Вишневского в Будапештском театре имени Петефи. Сцена из спектакля. В центре группы — Комиссар (Жужа Банки). Слева — Сиплый (Ласло Банхиди), справа — Вожак (Ласло Козак).

Будапештский зритель этими бурными аплодисментами как бы отвечает контрреволюционерам, пытавшимся в октябре 1956 года повернуть вспять Дунай, захлестнуть революцию, потопить в крови Венгрию, вернуть ей господ Эстергази!

Я видел: утирала слезы сидевшая впереди меня средних лет женщина в черном, гладком костюме, обменивалась впечатлениями с соседом, неистово аплодируя после окончания каждого акта. В антракте я, попросив извинения, обратился к этой женщине через переводчика. Сказав, что я друг покойного Всеволода Вишневского, я попросил объяснить причину ее слез. Она ответила, что не может не плакать: все, что она видит в пьесе, близко ей и знакомо. Она сама коммунистка и понимает, как было тяжело Комиссару. «Да и многим из сидящих в зале сейчас было тяжело в те октябрьские дни 1956 года. Но я,— сказала она далее,— верила в победу, как верил в победу Комиссар. Это очень современная, очень понятная венгерскому зрителю, очень сильная и, главное, правдивая пьеса!»

Старая пьеса Всеволода Вишневского предстала перед этой женщиной, как и перед тысячами других подобных ей зрителей, как глубоко современное произведение, объясняющее многое в личном жизненном опыте, в пережитом...

И я с гордостью подумал о великой силе истинно революционного искусства, нестареющего, нетленного...

О КУСКЕ ЧУДЕСНОГО МЫЛА

М. АНГАРСКАЯ

Рисунки Л. и Ю. ЧЕРЕПАНОВЫХ.

Казалось бы, что можно рассказать о куске мыла? Лежит оно спокойно на полке около умывальника и ждет, когда мы станем мыть руки или стирать белье. Наипростейший предмет нашего обихода.

В действительности же мыло имеет сложный и довольно «капризный» характер. У него есть свои привязанности и антипатии, и оно, если так можно выразиться, довольно прожорливо. Один кусок мыла «съедает», например, 250 граммов растительного масла.

Лет полтораста назад крепостной крестьянин Бокарев, проживавший в слободе Алексеевке, Воронежской губернии, стал возделывать подсолнечник как масличную культуру. Так семена подсолнуха — американского растения, называвшегося в то время перуанским «цветком солнца», привезенного Петром I из Голландии в Россию, — стали источником пищевого продукта. Но вряд ли Бокарев предполагал, что питательное подсолнечное масло будет в больших количествах использоваться не по назначению — на мыловаренных заводах...

Попробуйте выстирать обыкновенным мылом шелковые или шерстяные вещи. Через несколько стирок ткань начинает ползти, окраска становится блеклой, неровной. Виновником этих неприятностей является само мыло. Будучи солью жирных кислот, в воде оно выделяет небольшое количество щелочи, которая и разрушает шелковые и шерстяные изделия, заставляет их преждевременно «стареть».

Обратите внимание, когда умываетесь, как не скоро появляется пена на ваших руках. Через несколько секунд, не правда ли? Да к тому же порой очень слабая. В чем тут дело?

Вода, как известно, содержит всевозможные минеральные соли. Особенно много в воде растворенных солей кальция и магния, которые и придают ей так называемую жесткость.

У мыла большое тяготение к этим солям. Оно прежде всего стремится отыскать их в воде и прочно с ними соединиться, образуя так называемые кальциевые и магниевые мыла, которые отнюдь не обладают моющими качествами.

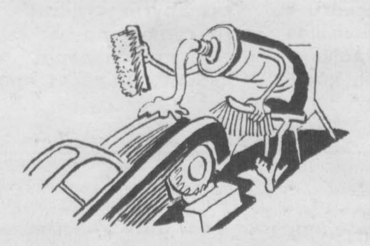
Вот, оказывается, каким вредным и ненужным делом занимается мыло, на что тратится почти половина его куска, вот, оказывается, сколько драгоценного жира расходуется впустую!

Химики решили покончить с таким варварским расхищением пищевых ресурсов. Они начали создавать свое синтетическое мыло, с совсем другим «рационом питания».

Зачем мылу растительное масло? Мыло использует находящиеся в нем жирные кислоты. Но ведь их можно получить и из продуктов нефти, и это будет в два раза дешевле.

Искусно комбинируя молекулы продуктов нефти, химики добыли из них не только жирные кислоты, но и другие соединения, которые дают прекрасные моющие вещества: порошки, пасты, жидкости. В большинстве случаев они гораздо лучше справляются со своими обязанностями, чем известные нам туалетные и хозяйственные мыла.

В таких моющих средствах нуждаются многие отрасли промышленности: текстильная и пищевая, горнорудная и машиностроительная, кожевенная и бумажная. Они необходимы прачечным. А как они нужны в быту! Этими порошками или жидкостями можно прекрасно вымыть стены, двери, окна, пол, хрусталь, автомобиль, не говоря уже об одежде.

Чтобы познакомиться с процессом создания замечательных моющих препаратов, мы отправились в химические лаборатории.

В одной из них кандидат химических наук А. И. Гершанович показал нам белые кристаллы сульфанола и густую пасту светло-желтого цвета, называемую сульфонатом. Взяв крошечный кристаллик, химик подошел к умывальнику и открыл кран. Его руки сразу же покрылись обильной белоснежной пеной.

— Вот что такое сульфанол, — сказал он, улыбаясь. — Такой же «характер» и у его брата — сульфоната.

Эти моющие вещества — соли сульфокислот — совершенно равнодушны к кальциевым и магниевым соединениям, находящимся в воде. Им не страшна никакая ее жесткость. Сульфанол и сульфонат не теряют зря ни одной своей частички. Они не выделяют щелочи. Любая ткань, выстиранная ими, становится мягкой, окраска ее делается ярче, сочнее.

— Из чего же они получаются?

— Из керосина. Обыкновенный керосин при помощи ультрафиолетовых лучей взаимодействует с хлором и бензолом, и в конечном итоге получаются белые кристаллики сульфанола. Сульфонат — продукт того же самого керосина.

— А где можно купить ваши синтетические мыла?

— Пока трудно сказать, — ответили нам.

— Разве промышленность еще не выпускает их?

— Это не совсем так. Сульфанол вырабатывается на установке в Сумгаите — сотни тонн в год. В промышленном же масштабе выпуск намечается на 1960 год. Что касается сульфоната, то он еще пока совсем не появлялся. Но теперь уже осталось ждать недолго. Принято решение пустить в эксплуатацию в будущем году два завода по производству сульфоната.

К сожалению, новые моющие препараты с большим трудом пробивали себе дорогу в промышленность.

Непосвященному ничего не скажут обозначения «ОП-7» и «ОП-10». А вот текстильщики хорошо знают, какие преимущества дают эти полученные из нефти синтетические моющие вещества и как отражаются на производстве перебои с их поступлением на фабрики. Ведь эти вещества выпускает пока лишь один цех одного из заводов.

Или порошок «ДС-РАС». Этот синтетический заменитель мыла завоевал признание московских прачечных. Но в один прекрасный день почему-то был закрыт цех, выпускавший «ДС-РАС», и порошок исчез...

Пока только лишь порошок «Новость» выручает во всех случаях жизни. Когда вы возьмете пакет с «Новостью», вспомните добрым словом отважных китобоев флотилии «Слава». В Антарктике в жестокие штормы они гарпунят кашалотов. Жир огромных морских зверей — важная составная часть порошка, в котором очень хорошо стираются тончайшие блузки, шелковые и шерстяные платья и костюмы. Спрос на «Новость» так велик, что как бы ни перевыполняли свой план китобои, все равно ее недостаточно — порошок этот стал необходимым предметом обихода почти в каждой семье.

И тут на помощь китобоям пришли химики. Несколько лет назад впервые в мире в нашей стране Институт нефти Академии наук СССР разработал метод прямого окисления легкоплавкого парафина, позволяющий получать жирные спирты, очень родственные тем, которые дает кашалотовый жир.

...Недавно несколько женщин, проживающих в разных городах Советского Союза, получили необычную посылку. В ней находились два пакета порошка «Но-

ИСТОРИЯ ОДНОЙ КОЛЛЕКЦИИ

Е. КАЦМАН,

заслуженный деятель искусств РСФСР, член-корреспондент Академии художеств СССР

Е. А. Кацман. ПОРТРЕТ И. И. БРОДСКОГО. 1934.

Когда я думаю о Бродском, прежде всего передо мной возникают его вдохновенные глаза. Я всегда любовался внешностью Бродского, настоящего артиста, поэта-художника и мечтателя. Он был красив не только внешне, но и чувствами своими, своим отношением к искусству и людям.

Знал и любил я Бродского давно, чуть ли не с начала века. Но крепкой дружбой навсегда связала нас поездка к Репину в Пенаты в 1926 году. Дочь Репина, Вера Ильинична, написала Исааку Израилевичу письмо о болезни отца и просила оказать ему помощь. Он показал письмо мне, и я предложил не только оказать помощь великому художнику, но и поехать к Репину, чтобы привезти его к нам, в Советский Союз.

Мы получили разрешение на эту поездку и отправились вчетвером: Бродский, Радимов, Григорьев и я.

Репин нежно и внимательно обращался с Бродским, очень высоко ставил его искусство. Держался Бродский у Репина, как всегда и везде, скромно и, как обычно, больше слушал, чем говорил. Тогда же он мне сказал: «Репин для меня такая же величина в искусстве, как Рембрандт, как Веласкес. Вот представь себе,— говорил он мне,— что мы приехали в гости к живому Рембрандту или Веласкесу. Вот так я переживаю встречу и беседы с Репиным».

Наша делегация приехала к Репину, чтобы передать ему от имени Советского правительства, что народ наш любит Репина, считает его великим русским художником и приезд его на родину будет общей радостью.

Эти слова К. Е. Ворошилова мы передали Репину, который плакал от радости и благодарил за внимание и ласку.

...Бродский — один из крупнейших советских художников-реалистов. Он отдал Октябрьской революции свой талант и стал агитатором великих идей Коммунистической партии. Он был первым художником, награжденным орденом Ленина. В квартире-музее Бродского в Ленинграде была собрана очень большая коллекция его картин и рисунков. Художник скупил обратно почти все свои работы, которые были им проданы до революции. Кроме того, здесь много произведений Репина, Малявина, Серова и других замечательных мастеров русской реалистической школы живописи, а также коллекция картин советских художников.

Все это он подарил государству.

8 ноября 1930 года в городе Бердянске (ныне Осипенко) был торжественно открыт художественный музей. Трудящиеся города собрались на площади перед зданием музея, и художник И. И. Бродский, который являлся и основателем и организатором этого музея, выступил перед своими земляками.

Он говорил о замечательном, облагораживающем воздействии искусства на зрителей, о значении искусства в жизни людей и о многих других чудесных вещах. Земляки Бродского горячо приветствовали его сообщение о том, что он дарит своему родному городу двести пятьдесят произведений искусства.

С тех пор прошло много лет. Жители города Осипенко гордятся своим музеем, который после смерти художника (1939 год) носит имя Бродского. Этот музей сейчас вырос втрое. Здесь собрано около семисот художественных произведений. До Великой Отечественной войны музей помещался в красивом и благоустроенном здании. Во время войны картины и скульптуры были эвакуированы, а здание разбомбили фашисты. Исправить повреждения было невозможно. Здание было разобрано, а художественные ценности после войны были размещены во флигеле. Здесь они, к сожалению, находятся и до сих пор. Три маленьких зала буквально набиты чудесными картинами и скульптурами. Давно уже настало время дать музею достойное помещение.

И. И. Бродский был страстным коллекционером. Среди картин, которые он подарил родному городу, — работы прославленных мастеров русской школы живописи. Здесь и «Рассвет» Саврасова, и «Радуга» Куинджи, и «Северская» Крамского, работы Айвазовского, Рылова, Максимова, Савицкого и многие другие произведения. В этом номере журнала публикуются репродукции некоторых картин, принесенных в дар городу Осипенко Бродским. Большой интерес представляет картина В. М. Максимова «Аукцион за недоимки». Образы, созданные Максимовым, очень яркие и запоминающиеся: здесь и пристав, хозяином развалившийся на стуле, и угодливо перед ним изогнувшийся деревенский богатей, и бедняк без картуза, согнувшийся под тяжестью свалившегося на него горя, и рыдающая старуха, припавшая к своей кормилице-корове, уже привязанной к чужим нарядным саням. Это — большое, занимающее целый простенок в зале полотно, малоизвестное, но первоклассное произведение художника, автора таких картин, как «Семейный раздел», «Все в прошлом», «Приход колдуна на крестьянскую свадьбу». Все произведения Максимова, крестьянина по происхождению, согреты горячим сочувствием к многострадальному крестьянству пореформенной России.

Картина «Буря», романтически взволнованная, превосходно, артистически написанная, типична для творчества Айвазовского. Как всегда, художник утверждает здесь силу человека перед могучей стихией природы.

В интересной живописной манере написан пейзаж художника Горбатова «Зима» — поэтичный и истинно русский. Все своеобразие природы Финляндии выразил в своей картине Рылов.

Собирая коллекцию, И. И. Бродский проявлял много художественного вкуса и чутья, поэтому среди его картин нет малоинтересных или средних. Каждая картина — это звено, дополняющее наши сведения о том или ином художнике.

вость». Шебекинский комбинат Белгородского совнархоза обратился к ним с просьбой испробовать оба пакета и сообщить, какой лучше. Один из них содержал моющий порошок, изготовленный из жирных спиртов, полученных из кашалотов, другой — из спиртов парафина. Адресаты не смогли отличить «близнецов». Не смогли это сделать и многие

предприятия, которым посылали на «экзамен» такие пакеты. В этом году на Шебекинском комбинате начнет работать цех, который будет выпускать тысячи тонн ценных спиртов, необходимых для получения синтетической «Новости».

Четыре года назад на этом же комбинате впервые в нашей стране стали производить из парафина — продукта нефти — жирные кислоты, необходимые для мыловарения. Молодое предприятие в Шебекине давно окупило капиталовложения и все время перевыполняет план. Этими кислотами мыловары стали заменять дорогостоящее кокосовое масло, которое раньше входило в состав туалетного мыла. Перемены никто и не заметил.

Слов нет, достижение большое. Однако пока еще кусок обычного мыла на 70 процентов состоит все же из пищевого жира. Разница только в том, что раньше это было животное сало, а теперь растительное масло.

Сотни тысяч тонн пищевых жиров ежегодно съедали мыловаренные заводы. А в то же время «главная кладовая» оставалась неиспользованной: огромные запасы нефти, угля, природного газа — все это сырье для прекрасного мыла, на которое не надо будет тратить пищевые продукты. Но химики до последнего времени не очень форсировали строительство заводов — поставщиков синтетического сырья для мыловаренной промышленности. Только теперь подходит к концу строительство предприятий по получению синтетических жирных кислот.

Почему же так мало выпускала наша промышленность синтетических моющих средств, прекрасно заменяющих мыло? Почему они так долго залеживались на полках лабораторий?

Ответ дан в докладе Н. С. Хрущева на Пленуме ЦК КПСС. «Неправильная техническая политика, осуществлявшаяся длительное время Министерством химической промышленности, сдерживала развитие производства синтетических материалов в нашей стране».

Майский Пленум ЦК КПСС поставил перед советскими людьми новую, поистине великую задачу — ускорить развитие химической промышленности и особенно производство синтетических материалов и изделий из них для удовлетворения потребностей населения и нужд народного хозяйства.

Большие перемены произойдут и в производстве мыла.

С 1958 года и до конца 1965 года будут постепенно входить в строй заводы и цехи по изготовлению синтетических порошков, паст и различных мыл. Осуществление намеченной программы производства заменителей жира и синтетических моющих средств позволит в 1965 году высвободить не менее 400 тысяч тонн пищевых масел.

Куску чудесного мыла открывается «зеленая улица».

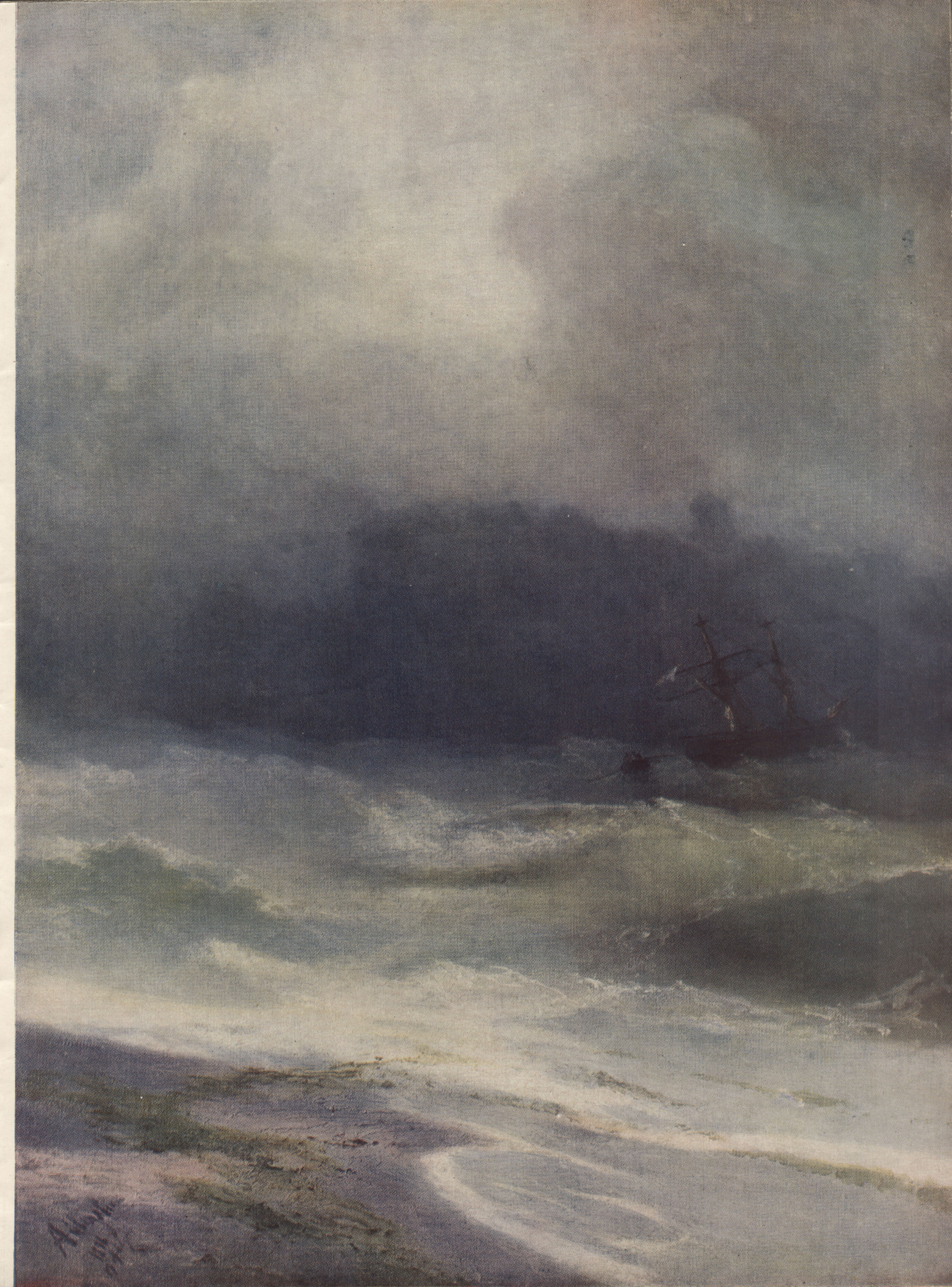
В. М. Максимов (1844—1911). АУКЦИОН ЗА НЕДОИМКИ. 1880.

Осипенковский художественный музей имени И. И. Бродского.

«Огонек».

А. А. Рылов (1870—1939). ФИНЛЯНДИЯ. 1919. Осипенковский художественный музей имени И. И. Бродского.

↓ **И. К. Айвазовский (1817—1900).** БУРЯ. 1896. Осипенковский художественный музей имени И. И. Бродского.

К. И. Горбатов (1876—1921). ЗИМА.

Осипенковский художественный музей имени И. И. Бродского.

НОЧЬЮ

Рассказ

А. ШАРОВ

Рисунок А. ЛУРЬЕ.

Дорога тут людная, обжитая, с глубокими колеями в грязно-белом с желтизной от лошадиной мочи снегу, со следами автомобильных шин, колес, сапог и валенок пешеходов, копыт коней. Дорога торная, чем-то напоминающая дорогу на ярмарку, если бы не гильзы снарядов и бинты, грязные, с черной запекшейся кровью, валяющиеся кое-где по обочинам, если бы не зарницы разрывов — они то скрываются за стеной леса, то на повороте вспыхивают мерцающим пламенем не так уж далеко, над снежным полем, — и если бы не то, наконец, что на сто километров тут не уцелело ни одной деревни. Вот виднеется пустырь с маленькими холмиками; на первый взгляд кажется — это елочки под пуховым снежным покровом. Но это не елочки, а кресты погоста. А за погостом — печи сожженных изб. Дорога истосковалась по людям, она бежит, бежит, подходит вплотную к месту, где было когда-то жилье, и вдруг, испуганная чем-то, — погостом ли, лисьими, а не человеческими следами, которые тянутся к могилам, — бросится в сторону.

Тут все выжжено войной; зима попыталась прикрыть разрушения обильным снегопадом, но вдруг сквозь влажный аромат снега повеет мертвечиной от забытого где-то трупа лошади, а может быть, и человека, гарью, йодоформом, запахами беды, которую скрыть и затаить невозможно.

Вдоль всей дороги от поселка Печниково и до изломанной линии фронта нет не то что деревни, но ни одного пригодного для жилья дома, кроме лесной избы, обозначенной на картах под именем «сторожка Савельевых».

Фронт несколько раз перекатывался через эту избу, потом отступил к западу. В разное время тут размещались отделы штабов дивизий и полков, медсанбаты и медсанроты, узлы связи, полковые и ротные кухни; десятки армейских учреждений сменяли друг друга; тысячи, а может быть, десятки тысяч старых и молодых солдат, многих из которых уже и в живых нет, провели здесь, на полу, устланном соломой, часы каменного сна.

Теперь сторожка днем почти постоянно пустует; кроме хозяйки, в избе жительствует только один-единственный сержант-регулировщик Дергачев, человек пожилой, страдающий сильными ревматическими болями.

Товарищи его оборудовали землянку близ дороги, а он предпочитает ежедневно пробираться — осенью по грязи, а зимой по глубокому снегу — километра три от регулировочного пункта к избе, потому ли, что опасается сырости, как объясняет он сам, или потому, что за несколько месяцев привык к случайному жилищу и полюбил его, как можно полюбить и привыкнуть только на войне, то есть навсегда, до смерти, все равно, далека она или близка.

Днем изба пустеет, но к вечеру она наполняется бродячим фронтовым народом: пассажирами с застрявшей в снегу машины, легкоранеными, пробирающимися в медсанбаты, связными, корреспондентами, работниками боепитания, начальниками финчастей, шоферами и всякими другими солдатами и офицерами.

Я десятки раз ночевал в этой избе и хорошо изучил ее неизменные обычаи.

Утром солома аккуратно сгребается к стенам. Хозяйка, женщина лет шестидесяти, с неподвижным, морщинистым лицом, подметает пол веником из свеженаломанных веток, проветривает горницу. Вдруг почудится, что морозный смолистый воздух вытеснил даже всякие воспоминания о войне. Но форточка захлопнется, от углов, бревенчатых стен, от пола снова распространятся запахи махорки, давно немытых тел, ружейного масла, шинельного сукна, мокрой кожи сапог, и как будто тени всех, кто отдыхал в этих стенах, кто молча, чтобы не потревожить соседа, переносил боль раны, особенно мучительную в ночные часы, думал в тишине свои трудные думы, бесконечной шеренгой пройдут над влажным полом с прилипшими к доскам иглами хвои.

Днем хозяйка одна или с Дергачевым, если он свободен от дежурства, отправится в лес за хворостом и дровами; к полудню печка на кухне уже жарко топится, окна запотевают, деревья скрываются за стеклами, по которым медленными каплями стекает дыхание людей, ночевавших здесь накануне.

К вечеру на плите кипят два котла: один, побольше, для белья, из другого можно зачерпнуть кипятка в кружку, чтобы напиться чаю, или в котелок, чтобы сварить на ужин кашу из концентратов. Скинет в тепле гимнастерку и сапоги проезжий человек, пороется в вещевом мешке, заглянет на кухню и аккуратно положит в углу, где уже высится куча грязного белья, свою рубашку и черные от окопной грязи портянки.

Пройдет еще час — другой, и изба наполнится до отказа. Случается, что тут заночует человек шестьдесят, а то и восемьдесят — девяносто. Солома тщательно разравнивается по полу, и люди укладываются рядом, тесно, вытягиваясь насколько возможно, чтобы занять поменьше места; только посередине горницы, от дверей кухни к оконцу, занавешенному плащ-палаткой, остается узкая дорожка.

Спящие храпят, бредят во сне, вскрикивают; и слышны еще скрипы деревьев за окнами, шум ветра, дальние и редкие в ночной час разрывы снарядов. Кто-нибудь проснется, покурит, глядя в потолок, пройдет на двор, мимо спящих, посидит у стола, уронив голову на руки, и снова уляжется.

К полуночи в избе все затихает, только Дергачев ворочается еще в своем особом уголке — на кухне за печкой, — читает потрепанную книгу, какой-то старый песенник.

Порой он произнесет вслух несколько строк, или пропоет их вполголоса, всегда на один, пригодный для всех песен, свой собственный мотив, или даже поднимется кряхтя и пройдет, мягко ступая ногами в толстых собачьей шерсти носках, в горницу, чтобы, если посчастливится, отыскать собеседника и поделиться мыслями о том, какие на свете бывают песни, душевные, просто удивительные.

По большей части, однако, собеседника не обнаруживается, и, простояв немного среди спящих, поправив фитиль в лампе — гильзе снаряда, заправленной бензином, — Дергачев возвращается в свой угол.

Наконец и он успокаивается. Прошелестит последняя перевернутая страница, как лист, сорванный ветром, и все замрет в избе — «сторожке Савельевых», — затерянной в прифронтовом лесу.

Все замрет, только из кухни доносятся то резкие, как отдаленный выстрел, то жалобные, как бы всхлипывающие, звуки: это белье ударяется о воду. Всю ночь хозяйка стирает. И когда только спит эта старая женщина?

Далеко за полночь бесшумно откроется дверь из кухни, и она покажется в неизменном своем белом платке, с фонарем в красных, распаренных стиркой руках.

Она пройдет по узкой дорожке между спящими сперва от дверей к столу, потом обратно, от стола к двери, пройдет, останавливаясь на каждом шагу, наклоняясь и чуть приподнимая фонарь, чтобы одно за другим осветить и рассмотреть лица всех заброшенных дорогой войны в ее избу.

Наклонится, вглядится секунду странным, щемящим душу взглядом неподвижных серых глаз и бесшумно шагнет дальше. Спящие охают, беспокойно ворочаются, чувствуя этот взгляд; иной улыбнется сквозь сон, у другого резче обозначатся морщины на лбу, горестно опустятся углы губ.

Несколько раз я просыпался во время этих бесшумных ночных обходов и хотел спросить хозяйку, что она высматривает, кого ищет среди случайных своих военных постояльцев. Хотел спросить, но как-то не решался.

Уйдет хозяйка обратно на кухню, поднимутся обитатели избы — кто пораньше, еще до света, кто попозже,— напьются чаю, разберут белье, влажное еще, чуть теплое от утюга, и разойдутся.

...В тот вечер мы возвращались из артбригады вдвоем с Козыревым, молоденьким картографом, только что со школьной скамьи; неделю назад он попал на фронт и был зачислен в оперативный отдел штаба корпуса.

Поужинав, я отыскал свободное местечко у стены и улегся, а Козырев примостился у стола, чтобы в тишине привести в порядок записи.

Уснул я сразу, но среди ночи несколько раз просыпался.

Когда я первый раз открыл глаза, Козырев сидел у стола над картой, склонив бледное от усталости лицо. Дергачев устроился напротив и читал то про себя, то вслух. Стихи мешали, должно быть, сосредоточиться. Козырев морщился, и, встретив его осуждающий взгляд, Дергачев замолкал.

Другой раз я проснулся перед рассветом. Приподнялся и не сразу сообразил, что происходит. Лишь начинало развидняться. В сером полумраке темнела фигура хозяйки. Она стояла у окна, левой рукой отвернув плащ-палатку, и, прижимаясь лбом к стеклу, светила прямо в окно фонарем, поднятым правой рукой на уровень глаз.

Фонарь еще заметно колебался, тени метались по избе, и тусклый язычок пламени, постарушечьи ровно и печально покачиваясь, отражался в мокром стекле.

Все еще спали. Только в распахнутых дверях, окруженный облаком тяжелого морозного пара, стоял Козырев и сердито кричал:

— Чего светишь! С ума, что ли, сошла! Не слышишь — самолеты!

Действительно, где-то в высоте, над головами спящих, над крышей избы, в невидимом предрассветном небе, слышался негромкий, но всюду проникающий, как бы буравящий звук моторов — знакомая каждому солдату, траурная, неотвратимая мелодия.

Очевидно, Козырев выходил на двор и только что вернулся. Он стоял в открытых дверях, постепенно выступая из облака морозного пара, и все громче, растерянно и сердито повторял:

— Опусти плащ-палатку. Тебе говорят! Самолеты ведь...

Молоденький солдат, который спал у стены, вдруг вскочил с отчаянным криком «самолеты!», схватил сапоги и стал натягивать их, не попадая босой ногой в кирзовое голенище.

Сосед его поднял голову тем неспешным, осмотрительным движением, которым сразу обличается старослужащий, не щурясь со сна, широко открыл глаза, некоторое время напряженно прислушивался и, снова укладываясь, закрыв глаза, чтобы не потерять и секунды отдыха, негромко проговорил:

— Свои...

— Свои? — торопливо переспросил молоденький солдат, широко и радостно улыбаясь.

Сосед не отозвался: он уже спал и ровно, глубоко дышал во сне. Молоденький солдат все еще улыбался. Видно было, что ему страшно хочется поделиться своими мыслями о том, как хорошо, когда все спокойно, опасность миновала, и, может быть, так же минует, пронесется, не задевая, и вся война.

Может ведь так быть?!

Но поговорить об этом было не с кем: все спали; и, тщательно установив на прежнее место свои жесткие, так же, как и он сам, не обкатанные, не измятые войной сапоги, солдат улегся, но долго еще лежал с открытыми глазами.

Шум моторов ослабевал и скоро совсем затих.

— Свои...— пробормотал Козырев, прикрывая наконец дверь и направляясь к столу.— Свои-то свои, а за своими чужие могут увязаться...

Никто не отозвался на эти слова.

Хозяйка опустила край плащ-палатки, сгорбилась, отчего сразу стала как бы меньше ростом, и бесшумными шагами пошла из комнаты на кухню.

Все затихло. Козырев склонился над своими записями, сидел неподвижно, настороженный, как будто ждал чего-то. Изба была наполнена всхрапываниями, тяжелыми сонными дыханиями, сквозь которые неясно слышались скрипы замерзших древесных стволов, шелест неуверенного утреннего ветерка — шумы просыпающегося леса. Дергачев вдруг отложил книгу и, глядя поверх головы Козырева, медленно подбирая слова, нехотя, голосом, одновременно сострадательным и укоряющим, проговорил:

— Тут, если сомневаетесь, дело вот какое... обыкновенное. У ней, у хозяйки, пятеро сыновей. На четверых похоронные пришли. А пятый летчиком служил, и ничего о нем не известно — ни писем, ни похоронной, ничего...

Козырев сидел, не поднимая головы, как бы придавленный чем-то — чужим горем, тяжелыми военными думами.

Сквозь драпировку пробивалась и изломанной линией падала на стол, на лицо Козырева, на стену за его спиной узкая световая полоска. Сперва белая, почти как снег, с еле заметной желтизной, она постепенно становилась горячей и ярко-красной, как сабельная рана. Светлая полоса прорезала лицо Козырева, и оно уже не казалось мальчишеским; морщинки, незаметные раньше, виднелись на лбу, у глаз, в углах рта.

— Ни похоронной, ни писем...— продолжал Дергачев.— Вот она и ходит с фонарем, смотрит: может, забредет. А когда наши самолеты летят,— светит. Если спит,— сразу проснется и к окну. Чтобы он видел, так я предполагаю. Тут ведь что кругом? Все сожжено. А он чтобы видел, если летит, чтобы не сомневался. Свой свет видел...— Дергачев, не глядя, поднял накаленную лампу, задул ее и сдернул с окна плащ-палатку. Утренний красный, как огонь, свет затопил комнату, и люди стали подниматься. Дергачев перелистал книгу и, не глядя, на память прочитал:— Тут вот какой стих есть, знаете, может быть: «...Врага не будет, супостата, а будет сын, и будет маты, и будут люди на земле».

Он прочитал эти строки не как стихи, без ударений, тусклым, нарочито однообразным голосом; казалось, ему мешает ритм, скрытая музыка стихов, — мешает, затемняя содержание, такое главное и высокое, самое главное в жизни, что никакой музыки к нему нет на свете.

— Слыхали? — спросил он еще раз.

...Нам надо было торопиться. Мы наскоро уложили вещмешки, оделись и, не завтракая, вышли на улицу. До регулировочного пункта на дороге, где надо было найти попутную машину, лесной тропинкой шагали молча. Все время вспоминалась изба, которая давно исчезла за стволами сосен, лицо хозяйки, и в голове вертелись, не отпускали, повторялись и повторялись строки, прочитанные Дергачевым: «...Врага не будет, супостата, а будет сын, и будет маты, и будут люди на земле». Дорога была еще пустынна в этот ранний час. Падал снег, но злой низовой ветер сметал его, обнажая следы гусениц, бомбовые воронки, шоссе, истерзанное, исполосованное ранами войны.

А снег падал и падал, заботливо прикрывая дорогу, как тяжелобольного, который мечется в горячке, то и дело сбрасывая одеяло.

БИОГРАФИЯ СРАЖЕНИЯ

В начале 1955 года Народно-освободительная армия Китая стремительным штурмом, предпринятым в тяжелых зимних условиях, освободила от чанкайшистов острова Ицзяншань, Дачэнь, Юйшань и Пишань — законную территорию КНР. В марте 1955 года польские писатели Войцех Жукровский и Януш Пшимановский закончили работу над книгой «Штурм гранитных твердынь», где они рассказали об освобождении островов. К тому времени отдельные части рукописи были переведены на русский и китайский языки, а теперь книга вышла у нас отдельным изданием.

«В этой книге нет вымышленных событий,— пишут авторы во вступлении.— Она складывалась день за днем — в беседах с командирами десантов на острове Ицзяншань, с летчиками, во время рейсов по Китайскому морю. Мы черпали материалы для книги в прифронтовой полосе, в приморских городках и местечках, в казармах китайских воинских частей, в хижинах рыбаков на островах Дачэнь». Свою книгу авторы называют не повестью, не репортажем, а «биографией сражения, добытой из жизни, полной кипения и быстрых перемен». Такое определение наиболее точно передает содержание книги.

Она начинается с рассказа о варварском уничтожении чанкайшистскими летчиками мирной деревни, о пленении старого рыбака, на которого современные пираты напали в открытом море, и оканчивается волнующим описанием всенародного торжества: для жителей приморского города Хаймыня освобождение островов — самый радостный праздник, он знаменует начало мирной, спокойной жизни. Книга В. Жукровского и Я. Пшимановского охватывает все перипетии сражения, где так ярко выявились лучшие боевые качества китайской армии, ее героизм, беззаветная преданность родине. Вместе с авторами мы присутствуем на совещании у генерала Чина, где разрабатывается оперативный план наступления, попадаем на передний край, где сражается разведчик Чен, пулеметчик Син Чин-тай, летчик Цян К-хай, артиллерист Ми Ци-пин — люди беспримерного мужества, беспредельной скромности.

Интересны приводимые писателями факты и документы, в частности дневники пленных офицеров, свидетельствующие о нравах чанкайшистской армии. «Дух свободы», о котором неустанно трубят чанкайшистские главари, поощряемые покровителями из-за океана, предстает перед нами в своем страшном обличье: аморализм и разложение охватили чанкайшистскую армию. Для многих ее офицеров жизнь является вечной «игрой ва-банк», где ради карьеры пригодны все средства.

Правительство Китайской Народной Республики высоко оценило труд польских писателей, наградив их орденом «Народ — защитникам Родины».

Книга Войцеха Жукровского и Януша Пшимановского, переведенная на русский язык Я. Немчинским, будет с интересом прочитана и советским читателем. Она поможет ему ближе познакомиться с жизнью братского народа, героическими буднями его армии.

В. ОСКОЦКИЙ.

В. Жукровский, Я. Пшимановский. Штурм гранитных твердынь. Воениздат. Москва. 1957. 251 стр.

ВОРОТА ЙЕМЕНА

Ходейда — второй по величине город Йеменского королевства. Он расположен на берегу Красного моря среди пустынной равнины, накаленной зноем аравийских и африканских пустынь.

И. ЛЫЗЛОВ

В последнее время на страницах газет все чаще упоминается арабское государство Йемен, стойко защищающее свою независимость. В конце 1956 года древние поселения Йемена стали жертвой очередной английской агрессии, и, хотя с тех пор провокации колонизаторов на границах Йемена не прекращаются по сей день, народ этой древней страны не склонил головы.

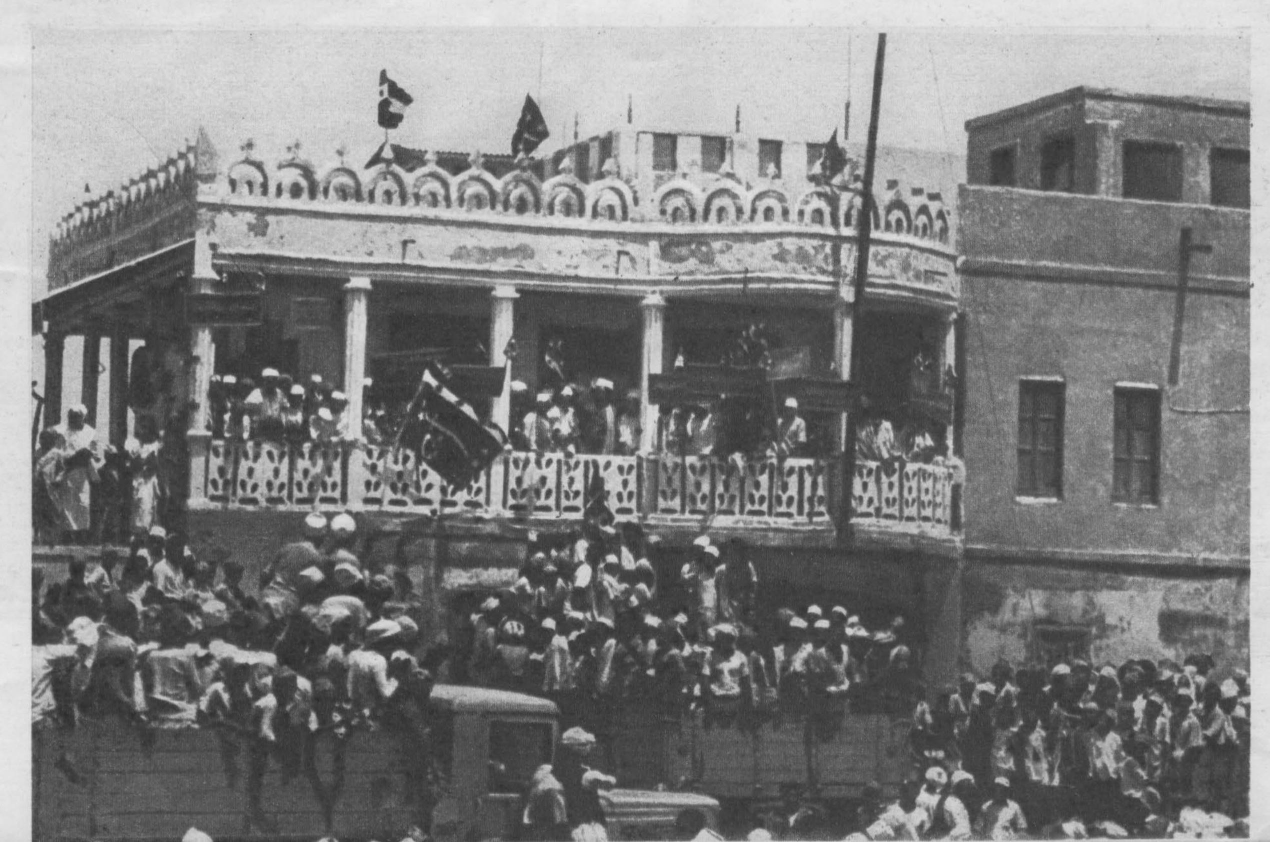
Недавно Йеменское королевство снова привлекло к себе внимание: оно подписало соглашение об образовании союза с ОАР.

Заключенный три года назад Договор о дружбе между королевством Йемен и Советским Союзом лег в основу успешно развивающихся торговых и экономических отношений между обеими странами. СССР и другие страны социалистического лагеря оказывают Йемену материальную и техническую помощь, которая поможет ему вырваться из плена вековой отсталости.

Публикуемые ниже фотографии присланы в «Огонек» инженером Игорем Лызловым, который вместе с несколькими другими советскими специалистами участвует в изысканиях для строительства морского порта в городе Ходейде — воротах Йемена.

Йеменский солдат — аскер. Регулярная армия Йемена немногочисленна. Но когда происходят провокации на границе, защищать свои очаги поднимается буквально все население.

← По случаю создания союза Объединенной Арабской Республики и Йеменского королевства в Ходейде состоялся большой праздник.

Колонизаторы, господствовавшие в этой стране многие века, старались сохранить здесь отсталость и невежество как своих надежных помощников. В Йемене нет ни железных дорог, ни порта для приема морских судов. Корабли, бросившие якорь на рейде Ходейды, разгружаются на парусные суда — самбуки, но и эти лодки не могут подойти к берегу ближе чем на 20—30 метров. Тогда на помощь приходит сила и выносливость грузчиков. Только если ящик весит более 300 килограммов, его несут несколько человек.

Площадь у рынка в Ходейде.

На пустынном берегу Красного моря появилась гидрометрическая станция. Это не только первое звено в строительстве нового порта, но и школа местных кадров.

На фото слева: Бригадир плотников Салем Маграбин. Его бригада добилась значительного повышения производительности труда. Портрет Салема помещен на фотовитрине.

Справа: Пятнадцатилетний йеменец Салем учится вести гидрометеонаблюдения, проявляя исключительное прилежание и способности. На этой фотографии вы видите, как Салем и советский специалист, старший техник Марков, с изумлением склонились над почвенным термометром. Первого удивляет сам прибор, второго — температура, которая поднялась выше последнего деления шкалы, то есть выше +55°С.

Богатый горожанин. Чем богаче йеменский житель, тем дороже украшения его пояса, оружия, особенно ножен и рукоятки кинжала. Украшения эти — свидетельство блестящего искусства йеменских ремесленников.

Здешний климат не без оснований считается одним из самых труднопереносимых для европейца. Бывает, что жара даже ночью превышает 40° по Цельсию. Но взгляните на Анатолия Васильевича Геологова,— среди йеменских друзей он чувствует себя не так уж плохо. А ведь всего два года назад он плавал на дрейфующей станции «СП-4». Его рассказы о северном путешествии кажутся здесь абсолютно фантастическими...

Рыбак продает свой улов. Он может предложить вам и электрического ската, и небольшую акулу, и спрута, и морского черта...

В Ходейде преобладает кустарная промышленность. Здесь есть несколько красилен, ткацких и кожевенных мастерских. Зачастую эти предприятия работают прямо на улице и выглядят так.

Уличный писарь. Одновременно он торгует спичками, сигаретами и прочей мелочью.

В этих южных широтах почти нет сумерек. Ночь наступает сразу. И так же сразу наступает тишина. На понтоне с буровой вышкой, где ведутся изыскательные работы, не слышно ни арабской, ни русской речи. Все отдыхают от невыносимого дневного зноя.

На помощь пришли вертолеты...

Радиотехник совхоза «Приобский» Николай Андреевич Вердыш.

Сверху, с борта вертолета, раскрывалась перед нами картина стихийного бедствия. По Оби и ее многочисленным извилистым притокам двигались огромные массы льда, кажущиеся отсюда, с высоты, кристаллами разных размеров. В местах его скопления — резких изгибах рек — то и дело происходил затор, и тогда воды, не вмещаясь в русло, выходили из берегов, затопляя все.

Летчику Шишкину, пилотировавшему винтокрылую машину, с трудом удалось отыскать клочок незатопленной земли, чтобы опустить нас в районном центре Алтая Быстрый Исток, оказавшемся в эти весенние дни, пожалуй, в самом трудном положении. Нас встретили секретарь райкома товарищ Повтарь и председатель райисполкома товарищ Мельников.

Стихийное бедствие, оказывается, не застигло врасплох население района. Подготовка к борьбе с наводнением была проведена здесь заблаговременно. Жители районного центра, как и всех других населенных пунктов, расположенных на территории района, заранее привели в порядок все лодки, катеры, отправили в безопасные места сельскохозяйственные машины, скот, запаслись продовольствием. И когда вода начала затоплять жилые дома, служебные здания и постройки, люди не пали духом, не поддались панике. В действие тут же были пущены моторные катеры и лодки. Они забирали из опасных мест стариков, женщин и детей и переправляли их на сушу. Но вести борьбу с разбушевавшейся стихией час от часу становилось все труднее и труднее. Уровень воды быстро поднимался. Район оказался оторванным от краевого центра. Напором льда были снесены телеграфные столбы, связь нарушилась.

Тогда радиотехник совхоза «Приобский» Вердыш сумел в чрезвычайно сложных условиях установить радиосвязь с Барнаулом и поддерживать ее в течение всего наводнения. Трое суток подряд сидел он без сна и отдыха за радиостанцией, перетаскивал не раз аппаратуру выше и выше, чтобы к ней не подобралась вода.

Мы познакомились с этим скромным тружеником.

Николай Вердыш лишь недавно возвратился из армии. Он служил в авиации, приобрел там специальность радиста первого класса. Армейская закалка пригодилась ему и здесь, на трудовом посту, в минуты тяжелых испытаний.

Сигнал радиста был принят. Вскоре над районным центром и другими затопленными населенными пунктами появились вертолеты. Они снимали жителей с крыш зданий, с пригорков, со льдин. Иные из жителей района видели вертолеты впервые. И, может быть, потому с некоторой робостью и неуверенностью садились старики на борт вертолета. Но вскоре все убедились в достоинствах наших винтокрылых машин. В руках умелых летчиков Татищева, Сидельникова, Федотова они, казалось, творили чудеса: зависали над крышами домов, лавировали между высокими деревьями и телеграфными столбами, выискивая удобное местечко для приземления.

Комсомолец Владимир Сидельников на своем «МИ-1» долго гонялся за льдиной, на которой унесло бакенщика. Мелкий дождь, отсутствие видимости усложняли и без того трудную задачу. Только к вечеру, в сумерках, экипажу удалось поднять на борт Анисима Харитоновича Чуракова. От авиаторов бакенщик узнал, что и его большую семью спасли сегодня летчики.

Экипажи вертолетов работали с огромным напряжением. Обстановка складывалась так, что люди, снятые с крыш домов и построек, не успевали даже узнать фамилий своих спасителей.

— Как жаль,— говорил нам в Быстром Истоке учитель средней школы Николай Романович Ольхин,— что мне не удалось отблагодарить летчика. Я заметил лишь, что у него на лице шрам.

От многих слышали мы рассказы о смелых действиях «летчика со шрамом». О нем говорил нам и председатель Быстроистокского райисполкома Алексей Григорьевич Мельников. Вспоминали о нем и в селе Усть-Ануй, где особенно много поработали летчики.

И вот мы разыскали его — коммуниста Петра Федоровича Татищева.

Этот шрам — свидетельство мужества и героизма летчика. Его получил он в годы Великой Отечественной войны в боях за Советскую Родину.

В дни наводнения, вызванного запоздалой весной на Алтае, ни в Быстром Истоке, ни в Усть-Ануе, ни в других населенных пунктах не было ни одной жертвы. В этом немалая заслуга наших летчиков.

Б. ШУКАНОВ,
Г. СМИРНОВ

П. Татищев ведет вертолет в район стихийного бедствия.

Так выглядел с борта вертолета районный центр Быстрый Исток в дни наводнения.

Фото Г. Смирнова.

ЖИВЫЕ ГЕРОИ

Встретились боевые друзья, сражавшиеся против белых в годы гражданской войны. Слева направо: Я. Н. Лагутин, С. И. Кудинов, Д. М. Сидоров и А. Н. Решетов.

Фото Е. Умнова.

И. МИРОШНИКОВ

Уже давно я начал записывать воспоминания участников революции и гражданской войны на Дону. Некоторые из этих воспоминаний были изданы.

Вскоре я стал получать множество писем. Неожиданно откликнулись люди, которых все мы знаем по книгам и кинофильмам и считаем погибшими. Кто не помнит описанных М. А. Шолоховым в «Тихом Доне» Лагутина, Кудинова — друзей и сподвижников Ф. Г. Подтелкова и М. В. Кривошлыкова?

Яков Назарович Лагутин активно участвовал в историческом съезде казаков-фронтовиков в станице Каменской. Это он вместе с Подтелковым и Кривошлыковым ездил к Каледину в Новочеркасск с требованием немедленной передачи власти Донскому ревкому.

Вскоре после съезда во время контрреволюционного мятежа на группу Лагутина напали белоказаки. В Каменскую пришло известие о трагической гибели Лагутина и его товарищей...

А совсем недавно выяснилось, что Лагутин жив. Он прислал письмо, а вскоре и сам приехал в Каменскую, к своему другу С. И. Кудинову. Оказывается, тогда, в 1918 году, Якову Назаровичу удалось вырваться из вражеского окружения. Потом он сражался в рядах 1-й Конной армии, командовал кавалерийским полком, был награжден боевым орденом Красного Знамени.

Трудно описать волнующую встречу Кудинова и Лагутина, потерявших друг друга в водовороте гражданской войны. Кудинов помнит молодого, невысокого роста, подвижного урядника с четырьмя Георгиями и медалями на груди. Помнит, как Лагутин выступал на съезде со страстной речью. Помнит, как в зале войскового правительства командир казачьего полка Семенченков кричал с места Лагутину:

— Ты что же, продал свои кресты большевикам вместе с душою?..

Это было сорок лет назад. Теперь порог комнаты Кудинова переступил пожилой коренастый человек, с густой проседью волос. И только лицо, быстрое, подвижное, с прямым, бесстрашным взглядом, осталось неизменным. Долго длилась задушевная беседа друзей, прерываемая частыми восклицаниями: «А помнишь?!»

Ф. Г. Подтелков (слева) и М. В. Кривошлыков на хуторе Пономареве перед казнью. 11 мая 1918 года. (Репродукция со снимка, сделанного сельским учителем за несколько минут до гибели героев.)

Сейчас Лагутин — пенсионер. Живет он в Сочи и принимает активное участие в общественной жизни города.

Замечательна судьба и красногвардейца Дмитрия Журавлева.

На Дону хорошо помнят историю похода экспедиции Подтелкова и Кривошлыкова в верховья Дона для организации революционной армии. У каждого из нас

„ТИХОГО ДОНА"

стоят перед глазами картины трагической гибели участников этого похода. Добравшись по железной дороге до станции Белая Калитва, Подтелков погрузил все имущество экспедиции на подводы и двинулся напрямик к Усть-Хоперской станице, надеясь проскочить по мятежным казачьим хуторам. В пути отряд Подтелкова пополнялся добровольцами, теми, кто хотел с оружием в руках защищать молодую Советскую власть на Дону.

В одном из казачьих хуторов Белокалитвенской станицы, Донского округа, вступил в отряд и восемнадцатилетний разведчик Митя Журавлев.

— Кто вы, казачата? — спросил Подтелков Журавлева и его спутников.

— Мы романовцы,— ответили те с гордостью.— В отряде товарища Романовского лазутчиками были... Просим взять нас с собой!

Подтелков тут же согласился взять молодых разведчиков к себе.

— Когда прибудем в Усть-Медведицкую станицу, вы, ребята, пойдете разведчиками в первый организованный там полк красных бойцов,— сказал Подтелков и задумчиво добавил: — Можете считать себя первыми бойцами этого славного полка...

Не сбылись планы Подтелкова. В хуторе Калашниковом его отряд был окружен и обманным путем обезоружен.

11 мая 1918 года пленных подтелковцев зверски расстреляли на хуторе Пономареве. Самого же Подтелкова и его ближайшего помощника Кривошлыкова повесили.

Думали, что все, кто был схвачен белогвардейцами, погибли. И некому было поведать о последних минутах жизни героев, об их предсмертных мыслях и словах...

Оказалось, однако, что Дмитрию Журавлеву почти чудом удалось спастись.

«...Утром нас вывели из землянки и повели на расстрел,— вспоминает он.— Я плакал: не сбылась мечта о свободной, счастливой жизни, жалко умирать в восемнадцать лет...

Умирали мои товарищи молча, как солдаты. Дошла очередь и до меня. Взглянул я в последний раз на стоявшего недалеко Подтелкова, встретился с ним взглядом и столько прочел в нем силы, столько веры в наше дело, что легче стало на душе и я смело шагнул в строй ставших на край могилы бойцов.

...Очнулся я через семь дней. Лежу в казачьем сарайчике, где хозяева обычно хранят кизяки. Не чувствую ни рук, ни ног. Грудь перевязана.

Меня, потерявшего сознание, но еще подававшего признаки жизни, украдкой унесла к себе местная казачка.

Когда я чуть-чуть поправился и смог ходить, она тайком снарядила меня в дорогу. Дала шаровары с лампасами, казачью фуражку и проводила за околицу хутора. Сказала на прощание: «Счастливого пути, сынок!»

Через сорок лет бывший подтелковец приехал на хутор Пономарев, чтобы взглянуть на братскую могилу товарищей и разыскать казачку, которая, рискуя жизнью, спасла его.

Оказалось, что она жива и о ее подвиге знают все земляки.

Это Февронья Евментьевна Кадыкова. Сейчас ей 65 лет, но она до сих пор трудится в колхозе имени Кривошлыкова. Живет она там же, где жила в 1918 году,— от ее дома до места казни всего несколько десятков метров. Это и помогло молодой тогда казачке Кадыковой спасти Журавлева.

Со слезами на глазах обнял Февронью Евментьевну бывший разведчик Журавлев, долго не могли они вымолвить ни слова: столько чувств нахлынуло сразу!..

Воспоминания Кадыковой и Журавлева воскресили подвиг и другого человека, незаслуженно забытого, скромного хуторского учителя. Когда раздетых, избитых подтелковцев подводили к краю могилы и начали расстреливать, он выскочил вперед и успел сделать несколько снимков. Заметив это, белоказаки схватили смельчака и бросили в яму, заваленную окровавленными трупами: хотели похоронить заживо. Но жители, согнанные на казнь, спасли его. И вот снимок, сделанный учителем, перед нами. Подтелков и Кривошлыков стоят у виселицы, наспех сооруженной бандитами на дереве, спокойные, суровые, бесстрашные до конца.

По единодушному согласию друзья и сподвижники Подтелкова и Кривошлыкова, их близкие и родные решили посетить хутор Пономарев в дни сорокалетия со дня гибели героев. До сих пор лежит на могиле скромный камень с надписью: «Вы убили личности, мы убьем классы». Друзей очень беспокоит: почему до сих пор не сооружен здесь настоящий памятник? Справедливая это тревога!

* * *

11 мая 1958 года на хуторе Пономареве состоялся большой митинг, посвященный памяти Подтелкова, Кривошлыкова и их боевых друзей.

Несмотря на пасмурную, дождливую погоду, у места, где были расстреляны герои, собралось около десяти тысяч человек. Здесь были не только жители Пономарева, но и приезжие из Ростова, Новочеркасска, Сочи, Кисловодска и других мест.

На трибуне среди партийных и советских работников жена Подтелкова Анфиса Алексеевна, сестры Анастасия и Наталья, сестра Кривошлыкова Наталья Васильевна, боевые соратники Кудинов, Лагутин, Решетов, Сидоров и другие.

Слово получает один из ближайших сподвижников Подтелкова, Семен Иванович Кудинов.

— Я встретился с Подтелковым и Кривошлыковым,— сказал Кудинов,— в первые дни революции и

больше не расставался с ними вплоть до их трагической гибели. Вместе мы готовили и проводили исторический съезд казаков-фронтовиков, вместе боролись с калединщиной за власть Советов на Дону, делили и горести и первые радости. Никогда не забыть мне дорогих образов друзей, особенно Подтелкова. Как он хотел встретиться с Лениным! Помню, посылая меня на доклад к Ленину, он взволнованно говорил: «Сеня, поезжай, расскажи ему все, как мы тут воюем с контрой, как боремся за Советскую власть. Если Владимир Ильич сможет, пусть приезжает к нам на Дон».

Выступают Кривошлыкова, Лагутин, Анфиса Алексеевна Подтелкова и другие.

Сойдя с трибуны, Анфиса Алексеевна с огромным букетом цветов направляется к могиле и кладет цветы на невысокий холм. Проходит минута, и рядом ложатся десятки венков, сотни букетов. Торжественно гремят залпы артиллерийского салюта. Выстрелы пушек, размеренные, громкие, подхватывает степное эхо и разносит их далеко окрест — по буйной зелени бескрайних колхозных степей, по хуторам и станицам, по счастливому Дону, за которые герои отдали свою жизнь.

К подножию обелиска возлагают венки.

Растут сады, растет смена

Четыре года назад десятиклассники сорок девятой школы Фрунзенского района Москвы посадили фруктовый сад и, покидая школу, поручили его младшим. С тех пор ребята любовно ухаживают за «подшефным», расширяют сад. В нем уже около ста яблонь и вишен, есть крыжовник, смородина, много декоративных растений и цветов. Ребята очень увлечены делом, и, кто знает, может быть, многие из них в недалеком будущем сделаются отличными садоводами!

Может быть, станет садоводом и Саша Канищев, которого вы видите на снимке.

Р. ЛИХАЧ

«КАЗ-605»

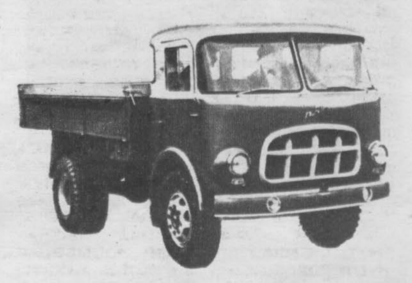

Фото Э. Цицишвили.

На Кутаисском автомобильном заводе имени С. Орджоникидзе собран опытный образец грузового автомобиля «КАЗ-605».

Грузоподъемность нового автомобиля — пять тонн. Особенность этой машины в том, что ее кабина расположена над двигателем, что дает возможность значительно укоротить базу.

В. ПАЛИАШВИЛИ

Памятник В. Вересаеву

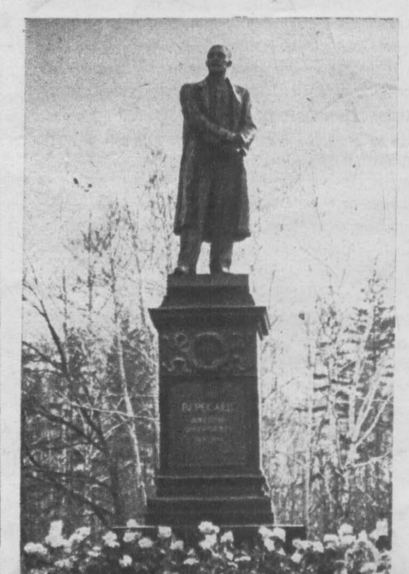
...Разрезан шнур, опустилось полотнище, и присутствующие увидели на гранитном постаменте во весь рост бронзовую фигуру писателя Викентия Викентьевича Вересаева (Смидовича).

Выступавшие на открытии памятника ораторы отметили большие заслуги своего земляка перед русской литературой, которой он посвятил около шестидесяти лет своей жизни.

Памятник В. В. Вересаеву в Туле (авторы—скульпторы А. Рабин, Т. Полякова и архитекторы Г. Гаврилов, Е. Кутырев) открыт у входа в городской парк.

И. ГЕЙЗЕР

Фото Е. Зайончковского.

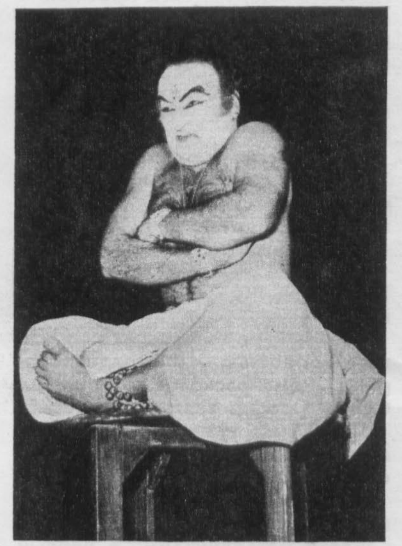
ЩЕДРОСТЬ ТАЛАНТА

Б. БАБОЧКИН,
народный артист РСФСР

Танец огня. Исполняет Вал Дев Сарма (штат Ассам).

Танец Катакхали. Исполняет Гуру Гопинатх.

Нам посчастливилось побывать на VIII Всеиндийской конференции Ассоциации Народного театра Индии. На конференции и на фестивале было широко показано искусство многих народов, племен, провинций Индии. По окончании конференции советская театральная делегация, в составе которой был и я, знакомилась с искусством Бомбея, Мадраса, Калькутты, побывала в городах штата Орисса.

...Мы в Дели, где на площади Рамлила Граунд разбила свой лагерь конференция ИПТА (Ассоциации Народного театра). Три раскидистых дерева украшены гирляндами разноцветных огней, как новогодние елки. На больших декоративных воротах из соломы изображен танцующий бог. Барабаны отбивают сложные ритмы восточных мелодий.

Улица напротив лагеря запружена автомобилями, вело- и моторикшами, повозками с разряженными лошадьми. Оглушительно кричат торговцы, продающие сласти, разноцветные шары. Пылают костры, на них котлы с заманчиво пахнущими кушаньями.

Смуглые лица, босые ноги, ослепительно яркие сари женщин и тюрбаны мужчин... Сюда съехалось больше тысячи артистов из всех провинций Индии. Каждый штат разбил свои палатки — в них живут участники фестиваля. Они сами построили театр на 6 тысяч мест с хорошо оборудованной и радиофицированной сценой. Но стены и потолок театрального зала из тканей ручной работы, необычайно красочных.

ИПТА — мощная организация: в каждом штате, районе, в каждом захолустном городке, почти в каждом селении есть ее отделения. Эта демократическая организация, воодушевляемая благородной идеей возрождения индийского национального искусства, существует на средства самого индийского народа.

Начало созданию ИПТА было положено в конце 1942 года. Тогда в Западной Бенгалии начался жестокий голод, и улицы городов заполнились беженцами из деревень. Бросившие свои дома в поисках работы и горстки риса крестьяне лежали на тротуарах, умирая от голода. Тут-то молодые люди из трудовой интеллигенции и организовали кружки. Сколотив кое-какой репертуар, члены кружков стали давать концерты и спектакли в деревнях и городах, собирая деньги и пищу для голодных бенгальцев. Движение молодежи сразу нашло живой отклик в народе. Сто тысяч пудов риса собрали тогда молодые артисты для голодающих крестьян Бенгалии.

Кружки молодежи стали ядром индийской Ассоциации Народного театра, которая существует уже пятнадцать лет, крепнет, растет. Недавно ИПТА была официально признана Индийской академией танца, драмы и музыки; ныне это автономная организация, входящая во Всеиндийский центр искусств.

«В кассе ИПТА не было и 25 рупий, когда мы стали готовиться к этой конференции,— сказал в своем докладе генеральный казначей ИПТА, известный бенгальский драматург Сахин Зон Гутта.— Все необходимые средства на организацию конференции и фестиваля собраны среди трудящихся нашей республики».

...В театре начался концерт. Женщины-зрительницы пришли с детьми. Малыши ползают всюду, забираются на колени взрослых, дети постарше внимательны и сосредоточены, как и все здесь. Между рядами, согнувшись, пробираются продавцы сушеного картофеля, наперченных орехов, конфет. На сцене — группа певцов. Сидя на полу, под аккомпанемент национальных инструментов они в унисон исполняют популярную песню «Индия — лучшая в мире страна».

Ведущий объявляет на английском языке и на хинди, что слово для приветствия имеет советская театральная делегация. Трудно в полной мере передать то, что мы испытали в эти минуты! Вот это была овация!.. Тысячи лиц радостно улыбались, когда мы, трое советских людей, передавали братский привет советских артистов своим индийским коллегам, выражали чувства горячей симпатии народов СССР к народам Республики Индии.

Кто-то из нас сказал в своей речи: «Сейчас нет в Советском Союзе ни одного человека, который не знал бы замечательных слов на индийском языке: «Хинди — руси...» И тут шесть тысяч голосов, сотрясая воздух так, что стены театра рванулись, как паруса на ветру, продолжили: «Бхай! Бхай!»

Потом нам напомнили, что именно здесь, на этой самой Рамлила Граунд, состоялся тот стотысячный митинг, на котором Н. С. Хрущев произнес эти слова, ставшие теперь символом отношений между двумя великими народами: индийцы и русские — братья. Это братство мы ощущали каждый день во время нашего месячного пребывания в Индии...

Профессиональных театров и профессиональных артистов в Индии мало. Зато именно в индийской самодеятельности расцвели и растут сейчас замечательные таланты и большие имена. В фестивальных концертах наряду с крестьянами, рабочими, студентами, клерками, учителями выступали знаменитые артисты, танцоры, певцы, композиторы Индии, такие, как Хемант Кумар, Ачла Сачдев, Балрадж Сахни, Гуру Гопинатх, Бисвас, и многие другие. Они выросли вместе с ИПТА и не порывают с ней своих связей, отдавая немного труда и времени.

Концерты фестиваля шли ежедневно с шести вечера до двенадцати ночи, а днем участники конференции встречались для дискуссий о своем творчестве. Каждый концерт был праздником искусства, и все же день, когда мы пришли в гости в лагерь ИПТА, оказался самым волнующим.

Площадь перед театром была еще пуста: мы подъехали сюда рано утром. Прошли во внутренний двор. По обе его стороны протянулись большие палатки из серого холста. Многие из них видали виды,— об этом говорят обильные заплаты. Перед каждой палаткой дощечка с надписью: Раджастан, Ассам, Андхра — название штата. Первыми увидели нас дети, и через минуту мы уже передвигались по лагерю в окружении этих телохранителей. Еще через минуту мы были окружены толпой в сотни человек, а из палаток бежали и бежали улыбающиеся, довольные иптовцы.

Мгновенно, без всякой подготовки начался концерт — самый интересный из всех, какие нам довелось слушать в Индии. Первым вышел танцор из Западной Бенгалии — Шамбу Бхаттачария. Мы уже видели его на фестивале: тогда Бхаттачария выступал со своим танцем Руннер (Гонец). Этот хореографический рассказ исполнен был с изобретательностью, экспрессией, мастерством. Гонец ночью пускается в далекий путь. Он пробегает долины и горы, его мучит жажда в полуденный зной, он отбивается копьем от диких зверей в джунглях и все бежит вперед и вперед, изнемогая от усталости. Поздно ночью, доставив весть, он падает, как подкошенный, исполнив свой долг.

Я не помню, как назывался новый увиденный нами танец, возможно, что это была импровизация. Высокий, тонкий, с развевающимися длинными волосами, Бхаттачария в экстазе носился по кругу. Пластичный, гибкий, с необычайно выразительными мимикой руками и удивительной мимикой, он захватил зрителей, и они все, а с ними вместе и мы устроили исполнителю бурную овацию.

После Бхаттачарии выступил звукоподражатель из Бомбея, доставивший всем большое удовольствие, а во время его номера уже готовил свои говорящие барабаны еще один замечательный артист, крестьянин из Ассама — Могхай Оза. Это был высший класс виртуозного искусства. Он играет на двух барабанах одно-

ПЕВЦЫ И ТАНЦОРЫ ИНДИИ

Фото индийского корреспондента П. Н. Шарма.

Танцовщицы из Мадраса.→

Музыканты народного оркестра. Штат Химачал Прадеш.

Танцовщицы Раджастана.

Танцор племени нага.

Девушка из штата Химачал Прадеш в национальном костюме.

Исполнители народных танцев с Андаманских островов.

временно — играет пальцами, локтями, пятками, подбородком. Нельзя было не удивляться ритмам и мелодиям, извлекаемым из барабанов-дхол этим артистом. Он имитировал грозу, свист и завывание ветра, своеобразную «симфонию мира животных». Его номер был встречен с восторгом.

Потом к нам подошел слепой, прилично одетый молодой человек. Он обратился ко мне с какой-то фразой, и пока я пытался разобраться в том, что ему нужно, слепой... прозрел и ласково пожал нам руки. После этого он ослеп еще раз, но уже совсем поДругому. Изменилось все поведение молодого человека. Он постарел, съежился, высох и стал старым слепым нищим. Потом опять прозрел, раскланялся, посмотрел на всех веселым, лукавым взглядом и снова ослеп. На этот раз глаза его остались открытыми, но они потускнели, стали мертвыми, тяжелыми и бесцветными. Он устремил их навстречу яркому полуденному солнцу... Это было больше, чем обычное актерское искусство.

По окончании концерта каждая палатка-штат принимала нас как гостей. Девушки ставили нам на лбах красные кружки или желтобелые полосы, этим как бы причисляя нас к своей семье. Пели приветственные песни, танцевали старинные танцы.

У представителей штата Раджастан оркестром и хором руководит Ганаянд Варма — певец, поэт и композитор. Раджастанцы поют старинную песню о народном боге, простом, земном, трудящемся, как и крестьяне. Варма дарит мне пластинку с записью его песни, и после дружеского прощания мы переходим в штат Уттар Прадеш. Здесь большой смешанный хор и оркестр поражают нас неожиданным колоритом. Да ведь это настоящая таборная песня! Певцы поют, шевеля плечами, играя глазами, лихо подхватывая выкрики дирижера. Это песня о любви, но и вторая — молитва о дожде — типично цыганская, плясовая: сложные, быстрые, ломающиеся ритмы, открытый гортанный звук.

Последний визит — в штат Ассам. Навстречу выходят три девушки, похожие на китаянок. На головах у них серебряные чашечки, и они танцуют торжественный танец, грациозный и церемонный. Снова прощание, дружеские рукопожатия, и опять приветственные возгласы...

...Во время фестиваля мы побывали на дискуссиях по вопросам искусства и сами рассказывали нашим индийским товарищам о нашем творчестве, об идейных основах и организационной структуре советского театра. Все это очень интересует индийских артистов.

В Мадрасе на киностудии. Артист Рам-Чандра и Б. Бабочкин.

В Мадрасе мы познакомились с древней культурной организацией — Южно-Индийской ассоциацией артистов Индии. Душой ассоциации является известный кинопромышленник и кинорежиссер К. Сумбраманьям, президент Всеиндийской академии танца. В Мадрасе живет и работает киноактер Рам-Чандра. Фильмы с участием этого действительно выдающегося артиста, к сожалению, у нас еще не известны.

Мы любовались и искусством танцовщиц Падмини и Рагини, которых называют «Траванкорские сестры». Древние традиции индийского танца в исполнении этих необыкновенно изящных артисток приобрели особенное очарование. Трехтысячный зал смотрит их искусство, затаив дыхание. Когда я спросил, почему им не аплодируют, то в ответ услышал: «Им не надо аплодировать, их искусство божественно».

На пути в Калькутту мы провели несколько дней в штате Орисса. В маленьком городе Пури на берегу океана — единственном городе, в котором мы не занимались искусством, — мы часами сидели на веранде отеля и смотрели, как волны бьются о берег. Но как только мы отправлялись купаться, около каждого из нас сразу же возникал в воде «спасатель» с медным номерком на тюрбане, как у носильщика. Океанская волна не шутка!

Отдых в Пури оказался очень коротким; скоро мы были в Каттаке — культурном центре Ориссы, где посетили местный университет, колледж искусств, драматический театр. Президент местного отделения ИПТА г-н Амок Рао говорил нам: «После завоевания независимости наше искусство стало бурно развиваться вместе со всей страной. Но в области искусства мы ждем помощи от нашего благородного брата, от прекрасной страны, начавшей эру спутника».

После тихой Ориссы — шумная Калькутта. В Калькутте — хороший драматический театр, в котором мы видели современную бенгальскую драму «Голод». Я надеюсь, что советский зритель когда-нибудь оценит по достоинству это значительное произведение индийской драматургии.

И, наконец, заключительная встреча в отделении ИПТА. Когда иптовцы спели нам на прощание по-русски: «Широка страна моя родная...», — мы почувствовали, каких верных друзей имеем в далекой Калькутте.

В Дели. На открытии конференции Ассоциации Народного театра Индии. На праздник прибыл Вице-Президент Индии доктор С. Радхакришнан.

ОРКЕСТР ФИЛАДЕЛЬФИИ

Юджин Орманди.

Зал затих. Прославленный дирижер Юджин Орманди поднял руку... В Киеве начались гастроли Филадельфийского симфонического оркестра США.

— Гастролями в СССР мы начинаем свое второе большое европейское турне. После Киева — Москва и Ленинград,— сказал корреспонденту «Огонька» антрепренер Анатоль Хеллер. — Вслед за концертом в Советском Союзе мы посетим еще ряд европейских стран. Гастроли закончатся концертами в Брюсселе на Всемирной выставке.

История Филадельфийского оркестра началась 16 ноября 1900 года. Собравшиеся в зале Академии музыки в Филадельфии горячо встретили рождение нового музыкального коллектива. В тот день исполнялся Первый концерт для фортепьяно с оркестром П. И. Чайковского. Рядом с дирижером Ф. Шилом стоял и кланялся в ответ на бурные аплодисменты первый солист оркестра, молодой русский пианист О. Габрилович.

С оркестром не раз выступал в качестве пианиста композитор С. Рахманинов. С появлением в оркестре дирижера Леопольда Стоковского приходят настоящие слава и мастерство. Выдающийся музыкант Стоковский вел оркестр в течение 24 лет.

Однажды за дирижерский пульт в качестве гостя был приглашен Юджин Орманди. Восемь лет спустя он стал постоянным дирижером и музыкальным руководителем этого коллектива.

Говорят, что путь к славе не прям, но Юджин Орманди всей своей жизнью опровергает это мнение. Родился он в 1899 году в Будапеште. В пятилетнем возрасте был принят в Королевскую академию музыки, в десятилетнем успешно выступал в публичных концертах. Звание профессора Орманди получил в 17 лет, обладая уже дипломами пианиста, дирижера и композитора.

В 1917 году оркестранты исполнили в студии американской радиокорпорации венгерские танцы Иоганнеса Брамса, и это была первая грамзапись симфонического оркестра. Впервые они снимались и в кино: это было в фильме «Сто мужчин и одна девушка». В 1929 году их силами был дан первый концерт симфонической музыки по радио, и игру филадельфийцев транслировали многие станции Европы, Южной Америки, Азии. Впервые за рубежом Филадельфийский оркестр исполнял 6-ю симфонию Д. Шостаковича.

Эмиль Гилельс и Давид Ойстрах, выступавшие с Филадельфийским оркестром во время своих поездок по США, высоко оценили его мастерство. После исполнения Первого концерта Чайковского для фортепьяно с оркестром Эмиль Гилельс обратился к представителям американской прессы со следующими словами: «Это один из лучших оркестров в мире, и он должен гордиться своим дирижером». Дирижер Юджин Орманди сказал тогда о Гилельсе и Ойстрахе: «Их игра, как освежающий порыв ветра».

«Американскому народу нужен этот приток советского искусства так же, как и советскому народу нужна наша лучшая музыка»,— говорил во время гастролей советских музыкантов Ю. Орманди.

К. ВИШНЕВЕЦКИЙ

Филадельфийский симфонический оркестр.

3. ПОД СЕНЬЮ ДЕВУШЕК В ЦВЕТУ

Приходится сознаться, услышав призыв Гашке держать себя в руках, я растерялся...

Да, растерялся и замер как вкопанный у кровати Гашке, обхватив руками свою подушку. Выглядел я, вероятно, в тот момент достаточно смешно.

А Гашке тем временем повернулся опять на бок и заснул.

Поручиться, конечно, за то, что он спал, я не могу; спал он или не спал, не знаю, но, во всяком случае, лежал на боку с закрытыми глазами, и ровное его дыхание должно было свидетельствовать, что он спит.

Я постоял-постоял возле него, пошел обратно к своей кровати, сел и задумался.

Чего угодно мог ждать я от Гашке, но только не этого! Я бы меньше удивился, если бы он внезапно выстрелил в меня из пистолета. Гашке, Гашке... А может быть, это вовсе и не Гашке? И даже наверняка не Гашке. Но тогда кто же?..

Я не выдержал, опять подошел к нему, на этот раз, разумеется, без подушки.

— Послушайте! — позвал я его.— Господин Гашке... Или как вас там?.. Товарищ Гашке!

Но он не отозвался.

Я опять вернулся к своей кровати. Следовало лечь, но спать я не мог.

Если Гашке меня остановил вместо того, чтобы тут же, на месте, выдать гестаповцам, значит, он не их человек. Но все его поведение противоречило тому, что он наш...

Я решил на следующий день как следует прощупать его...

Но с утра события начали разворачиваться с кинематографической быстротой.

Не успели мы проснуться, умыться и выпить утренний кофе, как за Гашке пришел гестаповский лейтенант, который в предыдущие дни сопровождал гестаповского майора.

— Хайль!

— Хайль!

— Я за вами, господин Гашке. Мы нуждаемся в вас...

Я внимательно рассматривал господина Гашке, можно сказать, изучал его, пытаясь разглядеть, что скрывается за его внешней оболочкой, но сам господин Гашке не замечал моих взглядов, он даже ни разу не посмотрел в мою сторону.

— Я весь в вашем распоряжении, господин офицер, — ответил Гашке лейтенанту. — Надеюсь, я сумею оказаться достойным сыном нашего великого отечества...

Он прямо-таки декламировал, этот господин Гашке!

Пришел санитар и по-солдатски вытянулся перед лейтенантом.

— Все готово, господин лейтенант, — отрапортовал он. — Господин больной может идти переодеваться.

— Пошли, — сказал лейтенант.

— Мгновение. Я соберу газеты.

Гашке принялся доставать из тумбочки полученную им за время лечения всякую фашистскую макулатуру.

Он был в отличном настроении и даже принялся напевать какую-то скабрезную немецкую песенку:

Коль через реку переплыть
Желательно красотке,
Ей полюбезней надо быть,
Быть, быть с владельцем лодки...

Он собирал фашистское чтиво и со смаком пел свои куплеты:

Пообещай отдать букет,
Отдать букет и чувства,
А выполнить обет иль нет —
Зависит от искусства...

С легкой насмешливостью посмотрел он на

Роман

Лев ОВАЛОВ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

меня и громко, с большим увлечением пропел рефрен:

Тра-ля-ля, тра-ля-ля...
От твоего искусства!

Не было ничего удивительного в том, что перебежчик, которому удался его побег и которого вдобавок брали еще на работу в гестапо, пребывал в отличном настроении и распевал песни, но мне, не знаю почему, показалось, что эта песенка предназначалась для меня.

Как-то слишком многозначительно взглянул на меня Гашке, слишком подчеркнуто пел он свои куплеты, в которых говорилось о том, что тому, кто хочет переплыть реку, надо быть полюбезнее с теми, кому принадлежат в данный момент средства передвижения, и что можно все обещать за то, чтобы перебраться, а выполнить обещание или нет, зависит от самого себя...

Трудно было сказать, добрый это совет или нет, но какой-то намек в песенке содержался.

Почему Гашке остановил меня ночью? Почему он меня не выдал и в то же время не сказал ничего более определенного? Или, соглашаясь на все, он и мне советовал поступить так же? Вообразил, что мы одного поля ягода?..

Я еще долго размышлял бы о поведении Гашке, но вскоре в палате появилась Янковская и заявила, что меня тоже выписывают из госпиталя.

— Я привезла ваши вещи, — сказала она. — Сейчас принесут чемодан, одевайтесь, а я подожду вас внизу.

Чемодан принесли, нарядный, дорогой чемодан из свиной кожи, но это был не мой чемодан. Я открыл его: в нем лежали белье, костюм, ботинки; все эти предметы мужского туалета отличались той изысканной простотой, которая стоит очень больших денег. Эти вещи не были моими, но выбора у меня не оставалось. Я оделся, все было по мне и не по мне, точно портной и сапожник обузили меня, все следовало сделать чуть пошире, но в общем выглядел я, должно быть, неплохо, потому что дежурная сестра, пришедшая меня проводить, воскликнула не без восхищения:

— О, господин Берзинь!..

Янковская ждала меня в вестибюле. Мы вышли на крыльцо.

Часовой в черной эсэсовской форме, стоявший у двери, отдал честь.

У подъезда стоял длинный сигарообразный автомобиль кофейного цвета — немецкая гоночная машина.

Шофера в машине не было.

— Садитесь, — пригласила меня Янковская.

Все, что сейчас происходило, плохо укладывалось в моем сознании: советский офицер находится в оккупированной фашистами Риге, и вот вместо того, чтобы быть расстрелянным или брошенным в какой-либо застенок, я находился в немецком госпитале на положении привилегированного лица, эсэсовцы отдавали мне честь, меня приглашали сесть в машину...

Я сел. Янковская заняла место за рулем, и мы двинулись в путь.

Мы ехали по улицам Риги — они были все такими же просторными и красивыми и чем-то неуловимо другими. Так же шли прохожие, но это были другие прохожие, так же мчались по улицам машины, но это были другие машины, так же сияло над нами небо, но это было другое небо...

Я испытующе посмотрел на Янковскую.

Маленькая шляпка блеклого сиреневого цвета. На лоб спускалась нежная розоватая вуалетка, придавая лицу задорное выражение, глаза искрились...

Она азартно вела машину с недозволенной быстротой.

— Куда вы меня везете? — спросил я.

— Домой, — деловито отозвалась она.

— К вам?

— Нет, — ответила она чуть ли не с насмешкой. — К вам!

Я решил потерпеть: в конце концов все эти загадки должны были разъясниться.

Мы ехали вдоль бульваров.

— Не глядите на деревья, — коротко бросила мне Янковская.

Но я ей не подчинился.

На деревьях висели люди, это были повешенные... Вот что *другое* было на улицах Риги.

Я положил свою руку на руку Янковской.

— Не торопитесь...

Она укоризненно посмотрела на меня и замедлила ход.

Прямо против меня висело двое мужчин, мне показалось, двое пожилых мужчин, хотя я мог ошибиться, глядя на их отсутствующие, серые лица. На груди одного из них висел обрывок картона с краткой надписью: «Повешен за шпионаж...»

Янковская испытующе смотрела на меня.

— Вас это очень... удручает?

Я промолчал. Что я мог ей ответить! И она опять повела машину с прежней скоростью.

— Подальше от этих... — серьезно сказала она, задумалась и добавила: — Подальше от этих деревьев.

Она свернула в какой-то переулок, еще раз свернула и еще раз, и мы выехали на одну из самых спокойных и фешенебельных улиц Риги.

Она остановилась перед большим, светлым четырехэтажным домом.

— Вот мы и приехали, — сказала она.

— Куда вы меня привезли?

— Пойдемте в дом, — произнесла она вместо ответа. — Не могу же я объясняться с вами на улице.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 20,21.

Мы вошли в подъезд, навстречу нам поднялась привратница.

— Добрый день, господин Берзинь! — Она приветливо поклонилась.

Я не был Берзинем, но привратница назвала меня этим именем.

Мы поднялись на второй этаж. Янковская достала из сумочки ключ, открыла английский замок, и мы очутились в просторной передней.

Навстречу нам вышла немолодая светловолосая женщина в темном платье, с кружевной белой наколкой на голове.

— Здравствуйте, Марта, — поздоровалась с ней Янковская. — Вот и господин Берзинь!

Та, кого Янковская назвала Мартой, приветливо улыбнулась, и вдруг я заметил, что улыбка ее сменилась какой-то растерянностью.

— Здравствуйте, господин... — неуверенно произнесла Марта; она как-то запнулась и с напряжением добавила: — Господин Берзинь.

— Ничего, ничего, Марта, — поощрительно сказала Янковская. — Можете идти на кухню, сегодня господин Берзинь будет обедать дома, а мы пройдем в кабинет.

Мы прошли через небольшую столовую, и Янковская ввела меня в кабинет. Обе комнаты были обставлены современной мебелью, очень модной и очень удобной, доступной только состоятельным людям. В кабинете стояли гладкий полированный письменный стол, легкие кресла и шкафы с книгами. Стены украшало множество однообразных акварелей, выполненных в какой-то условно-небрежной манере.

Мы остановились посреди комнаты.

— Надеюсь, — начал было я, — теперь вы объясните...

Но Янковская не дала мне договорить.

— Вы могли бы быть более любезным хозяином, — упрекнула она меня. — Прежде чем задавать вопросы, следовало бы предложить мне сесть.

Я пожал плечами.

— Хозяином? Я хочу знать, где нахожусь!

— Вы находитесь у себя дома. Это квартира Августа Берзиня, а вы, я уже вам говорила, вы и есть этот самый господин Берзинь.

Надо было запастись терпением, чтобы разобраться во всем происходящем.

Однако я попытался прикрикнуть на Янковскую.

— Хватит! — воскликнул я, повышая голос. — Вы долго намерены играть со мной в прятки? Извольте объясниться, или я немедленно покину этот дом...

— И сразу очутитесь в гестапо, — насмешливо перебила меня Янковская. — Учтите, в Риге нелегко скрыться... — Она села в кресло и кивком головы указала мне на другое. — Сядьте и давайте поговорим спокойно. Кстати, я хочу вас спросить: умеете ли вы рисовать?

Мой окрик не имел успеха, она была не из тех, на кого можно было воздействовать криком, спокойствие импонировало ей больше.

Все-таки худой мир был, по-видимому, лучше доброй ссоры...

— Рисую, — мрачно ответил я. — Мои картинки не вызовут больших восторгов у ценителей живописи, но во время занятий топографией я набрасывал иногда пейзажи.

— Это превосходно, — сказала тогда Янковская. — Вы даже превзошли мои ожидания. Дело в том, что вы художник, господин Берзинь, вы рисовали пейзажи, которые вам удавалось иногда продавать, хотя вы не слишком нуждались в деньгах... — Плавным жестом она указала на стены: — Ведь это ваши рисунки, господин Берзинь!

Я еще раз раздраженно взглянул на акварели, украшавшие кабинет.

— Так рисовать я умею! — вызывающе сказал я. — Пятна и полоски! На топографических картах так изображаются кусты и ручьи.

— Вот вы и запомните, что вы художник, — сказала Янковская. — В Риге вас знают, и вы кое-кого знаете...

— Но ведь я не Берзинь, — запротестовал я. — Вам это отлично известно...

Она подошла ко мне, небрежно села на ручку моего кресла.

— Вы милый и глупый, вы находитесь в плену представлений, которые владели вами три месяца назад, — произнесла она, и в ее голосе прозвучала театральная грусть. — В потоке времени столетия подобны мгновениям, а за истекший месяц человечество пережило столько, сколько в иные времена не переживает в течение целого столетия. Месяц назад Рига была советской, а теперь она немецкая, Москва накануне падения, и солнце восходит с запада, а не с востока. Макаров умер и никогда не воскреснет, а если вы попытаетесь его воскресить, его придется похоронить вторично.

Она встала и прошлась по комнате.

— Не стоит хоронить себя дважды, — мягко произнесла она, пытаясь примирить меня с чем-то, что еще оставалось для меня тайной. — В жизни людей происходят иногда такие повороты, что было бы просто неразумно сопротивляться судьбе. — Она остановилась передо мной, как учительница перед школьником. — Запомните: вы Август Берзинь, художник, — сказала она. — Ваши родители умерли несколько лет назад. Вы учились в Париже, не женаты и ведете несколько легкомысленный образ жизни. Марта — ее фамилия Круминьш — ваша экономка, кухарка и горничная, она живет у вас третий год, и вы очень ею довольны. Как будто все... — Она подумала. — Да, — вспомнила она, — вы не поклонник гитлеровцев, но считаете их меньшим злом по сравнению с коммунистами...

Она посмотрела в окно и как будто кому-то кивнула.

— Я пойду, — сказала она. — А вы осваивайтесь, осмотрите квартиру, проверьте, все ли у вас в порядке, и, если к вам будут заходить, не прячьтесь от своих знакомых. Вечером я вас навещу...

Она ушла, оставив в комнате запах каких-то странных, нежных и раздражающих духов.

Я остался один... Однако я не был уверен в том, что за мной не наблюдают...

Надо было выбираться из этого города, но я ощущал себя в каких-то тенетах, которыми меня оплели неизвестно кто и неизвестно зачем.

Во всяком случае, следовало соблюдать и осторожность и предусмотрительность.

Пока что я решил осмотреть свою квартиру.

Кабинет, столовая, гостиная, спальня, ванная...

Для одного человека, пожалуй, больше, чем надо!

Все комнаты были обставлены с большим вкусом.

В ванной я мельком посмотрел в зеркало и... не узнал самого себя: это был я и не я. Правильнее сказать, это был, разумеется, я, но в моей внешности произошла разительная перемена: всегда, сколько я себя помню, я был темным шатеном, на меня же из зеркала глядел рыжеватый блондин...

Да, рыжеватый блондин!

Я зашел в кухню...

Марта стояла у плиты, поглощенная какими-то кулинарными таинствами.

Я молча смотрел на Марту, и она, в свою очередь, испытующе посматривала на меня.

— Извините меня, господин Берзинь, — внезапно спросила она. — Ведь вы, извините, не господин Берзинь?

Я не знал, что ей ответить.

— А почему бы мне не быть господином Берзинем? — неуверенно возразил я. — Это такая распространенная фамилия...

Я вернулся в кабинет и принялся знакомиться с его хозяином, то есть с самим собой, поскольку я теперь был Августом Берзинем, хотя в этом и сомневалась моя экономка.

Как я уже сказал, в живописи господин Берзинь всем художникам предпочитал, по-видимому, самого себя, а что касается книг, их было много и подобраны они были весьма тщательно. Господин Берзинь, судя по книгам, интересовался тремя предметами: искусством древнего Рима, политической историей Прибалтики, особенно новейшей ее историей, и современной французской литературой. Впрочем, подбор французских авторов свидетельствовал, что господин Берзинь — большой эстет и, я бы даже сказал, сноб: в его библиотеке были отлично представлены Поль Валери, Анри де Ренье, Жюль Ромен, Марсель Пруст, Жан Жироду; из более ранних поэтов находились Малларме, Бодлер, Верлен и Рембо, а что касается старины, то из всех старых поэтов в библиотеке Берзиня нашлось место только для одного Вийона.

На столе Берзиня, или, правильнее сказать, на моем столе, лежал томик знаменитой эпопеи Марселя Пруста «В поисках утраченного времени», тот самый роман этой эпопеи, который называется «Под сенью девушек в цвету».

В этот момент я и представить себе не мог, как символично было это название и для жизни господина Берзиня и для моей последующей жизни в его доме!

Вся жизнь господина Берзиня в Риге, и того, который существовал в этой квартире до моего появления, и того, который появился здесь в моем лице, протекала, так сказать, именно под сенью девушек в цвету.

Но в первый день моего присутствия в этой квартире никакие девушки в ней не появлялись.

Вечером, как она и пообещала, пришла Янковская.

Я сидел в кабинете и перелистывал Пруста, неотступно раздумывая о том, как мне организовать свое бегство из Риги.

Янковская появилась неожиданно — я уже говорил, что у нее был ключ от этой квартиры.

— Сидите и мечтаете о побеге? — спросила она меня с иронией.

— Вы догадливы, — ответил я.

— Напрасные мечты! Что ушло, уже не вернется, — задушевно произнесла она. — Но вы не тревожьтесь, все будет хорошо.— Она взяла из моих рук книгу и отложила ее в сторону.— Я хочу кофе. Позвоните Марте и распорядитесь...

Она сама нажала звонок, скрытый в бронзовой гирлянде, украшающей настольную лампу.

Мы перешли в столовую, и надо сказать, что кофе, приготовленный Мартой, был превосходен.

— А вы не пробовали пить кофе с обыкновенной русской водкой? — спросила меня Янковская, сама достала из буфета бутылку и налила себе водки.

Но мне было не до водки.

С какой-то мучительной остротой ощущал я всю неестественность такого времяпрепровождения в эти грозные дни.

— У меня к вам много вопросов, — сказал я своей собеседнице. — И думаю, что пришло время на них ответить.

— Позвольте мне их перечислить? — не без лукавства произнесла Янковская. — Во-первых, вас интересуют обстоятельства того странного вечера, когда состоялось наше знакомство; вовторых, вам хочется знать, почему я в вас стреляла и затем, без всякой последовательности, спасла и ухаживала за вами в госпитале; в-третьих, каким образом вы превратились в Августа Берзиня...

Она улыбнулась.

Я тоже невольно улыбнулся.

— Правда, — сказал я. — И я надеюсь...

— Постепенно вы все узнаете, — снисходительно сказала Янковская. — В тот вечер ваше присутствие избавило меня от большой опасности, стрелять в вас меня вынудили обстоятельства, которые были сильнее меня, а спасла вас моя находчивость, и это взаимовыгодно для нас обоих...

Так ответила она, не разъяснив ни одной из загадок.

— Но, может быть, вы объясните, каким образом я превратился в блондина? — спросил я.

— Очень просто. С помощью перекиси водорода. Это — испытанное средство. Так поступают многие женщины, страстно желающие стать блондинками. Возможно, вам это не нравится, но вы должны меня извинить. Я вынуждена была вас обесцветить, потому что во всем остальном вы очень похожи на Августа Берзиня. Смелее вживайтесь в образ, как принято говорить у актеров, и ни у кого не появится подозрений в том, что вы не тот, за кого вам приходится себя выдавать.

— Как сказать! — возразил я, усмехаясь. — Марта, например, совсем не уверена в том, что я являюсь ее хозяином...

И я передал Янковской слова Марты, сказанные ею сегодня мне в кухне.

Янковская сразу посерьезнела, а минуту спустя я увидел, как она выпустила свои коготки.

— Марта! — резко крикнула она.

Она сразу забыла о плюшевой обезьянке, висевшей на шелковом шнурке над обеденным столом, под хвостом которой находился электрический звонок.

Марта неторопливо вошла в столовую.

— Сядьте, госпожа Круминьш, — приказала Янковская Марте, и было совершенно очевидно, что лучше всего с ней не спорить.

Марта села спокойно, не спеша, в ней было какое-то внутреннее спокойствие простой рабочей женщины.

Янковская кивнула в мою сторону.

— Вы, кажется, не узнали сегодня господина Берзиня?

Марта смутилась.

— Я человек религиозный, — нерешительно сказала она.— Но я не могу поверить в воскрешение мертвых, госпожа Янковская...

Янковская усмехнулась.

— Вам придется поверить, — ответила она Марте. — Потому что если вы умрете от моей пули, вы уж наверняка не воскреснете. — Она еще раз кивнула в мою сторону и многозначительно посмотрела на Марту: — Так кто это такой, Марта?

— Я думаю... Я думаю, что это господин Берзинь,— неуверенно произнесла Марта.

— Кто, кто, повторите еще раз! — скомандовала Янковская.

— Это господин Берзинь,— гораздо тверже повторила Марта.

— Да, это господин Берзинь,— подтвердила Янковская, властно глядя на Марту.— В этом нет никаких сомнений, и в этом вы не будете сомневаться не только в разговорах с господином Берзинем, но даже в мысленном разговоре с самим господом-богом...

Марта молчала.

— Что же вы молчите? — спросила Янковская.

— Я вас понимаю,— тихо ответила Марта.

— Надо что-нибудь добавить? — спросила Янковская.

— Нет, — ответила Марта.

— Но я добавлю, — сказала Янковская. — Ваш сын и ваш брат, отправленные на работу в Германию, никогда не вернутся домой, если вы даже во сне пророните хотя бы одну неосторожную фразу...

И вдруг в руке, которая только что держала изящную голубоватую чашечку с кофе, я увидел пистолет, тоже очень изящный и небольшой, но который, однако, отнюдь не был дамской безделушкой. Он лежал на ее ладони и точно дышал, потому что она слегка шевелила своими пальцами,— этот пистолет появился на ее ладони так, как будто Янковская была профессиональной фокусницей.

— Вы верите, что я могу вас убить? — небрежным тоном задала она вопрос Марте.

— Да,— тихо ответила та.

— Очень хорошо,— удовлетворенно сказала Янковская.— Если мне не понравится ваше поведение, я вас застрелю...— Неожиданно она улыбнулась и добавила уже совсем шутливо: — Я вас застрелю и в том случае, если господин Берзинь будет недоволен вашей стряпней...— Она улыбнулась еще приветливее и милостиво отпустила Марту.— Идите и ложитесь спать.

Но как только Марта ушла, Янковская тоже собралась уходить.

— Я устала,— сказала она.— Завтра я зайду. Хочу вас только предупредить. К вам будут приходить разные девушки. Учтите, это так и должно быть. Не оставляйте их без внимания.

Действительно, девушки стали ко мне наведываться чуть ли не ежедневно.

Сперва я было не понял истинной цели этих посещений.

На следующий день после обеда Марта доложила:

— К вам какая-то девушка, господин Берзинь...

В гостиную впорхнула, именно впорхнула, хорошенькая и даже очень хорошенькая девушка.

На ней был синий костюм, шляпка, сумочка... Все как полагается.

— Ах, Август, я так давно тебя не видела! — воскликнула она и бесцеремонно потрепала меня по щеке.

Но как только Марта вышла из комнаты, девушка сразу посерьезнела.

— Пройдем в кабинет? — деловито предложила она.

В кабинете она совсем перестала нежничать.

Она порылась в сумочке и достала помятый листок бумаги.

— Гестаповцы стали бывать в «Эспланаде» реже, и, мне кажется, коммунисты устроили у нас явку,— сказала она.— Тут записаны имена офицеров, которые у нас бывают и которые мне удалось услышать. Кроме того, здесь два адреса, одного гауптштурмфюрера и начальника одной из эскадрилий...

Как я понял из разговора, девушка работала кельнершей в ресторане «Эспланада» и одновременно являлась осведомительницей...

Кого? Господина Берзиня, несомненно! Но на кого работал я, этого я не знал!

Девушки приходили иногда даже по две в день. Это были кельнерши, маникюрши, массажистки, большей частью хорошенькие, всегда входили с какой-нибудь нежной фразой, но стоило нам уединиться, как сразу делались серьезнее и вручали мне записочки с именами и адресами, которые им удалось узнать, с фразами, которые им удалось услышать и чем-то показавшимися им многозначительными...

Да, это была агентура!

Конечно, она не делала чести разведывательным талантам господина Берзиня: его агентурная сеть была организована весьма примитивно. Любая контрразведка без особых

затруднений могла обнаружить и взять под свое наблюдение и всех этих девиц и самого господина Берзиня...

И хотя я сам не был работником разведки и только соприкасался с ней по роду своей деятельности, думаю, что, будь я на месте господина Берзиня, я бы организовал и законспирировал агентурную сеть более тщательно.

Сведения, которые приносили девушки, не имели большого значения, но хороший разведчик, разумеется, не пренебрегает ничем, поэтому даже такая поверхностная и безответственная агентура имела свою ценность.

Во всяком случае, с помощью моих посетительниц я довольно хорошо представлял себе, как проводят время немецкие офицеры и всякие бесчисленные гитлеровские администраторы, чем занимаются, где бывают, с кем встречаются и отчасти даже чем они практически интересуются.

Девушки эти, конечно, не были профессиональными агентами, служба у господина Берзиня была для них приработком. Но, как говорится, курица по зернышку клюет да сыта живет; множество мелких фактов и фактиков создавали в общем достаточно ясное представление о жизни тех слоев общества, которые могли интересовать господина Берзиня.

Вначале, правда, меня несколько удивляло, почему агентура Берзиня состояла из одних девушек — как на подбор, все эти кельнерши, маникюрши и массажистки были миловидны и молоды,— но потом я сообразил, что это был неплохой способ маскировки подлинных взаимоотношений Берзиня и его сотрудниц; нравственные качества Берзиня могли вызывать осуждение, но зато истинные его занятия не вызывали никаких подозрений.

Впрочем, господин Берзинь, вероятно, был более внимателен к этим девушкам, чем я, потому что некоторые посетительницы покидали меня с явным разочарованием, не получив, по-видимому, всего того, на что они рассчитывали; я ограничивался лишь тем, что деловито выдавал им зарплату — этому научила меня Янковская.

На второй или третий день после моего вселения в квартиру Берзиня она поинтересовалась:

— Ваши посетительницы возобновили свои посещения?

— Да, заходят,— сказал я.— Но мне опять непонятно...

— Ничего, ничего,— оборвала она меня.— Скоро все станет на свое место. Их сведения не представляют особой ценности, но будет хуже, если они перестанут заходить. Их надо поощрять.

Она достала из моего стола, поскольку стол Берзиня считался теперь моим, связку ключей и открыла небольшой стенной сейф, скрытый за одной из акварелей; в нем хранились деньги и, как оказалось, золотые безделушки.

Запас валюты был не слишком велик, но все же в сейфе хранились и доллары, и марки, и фунты стерлингов, а всяких колечек, сережек и брошек было как в небольшом ювелирном магазине.

Я взял несколько безделушек. Зеленоватые,

розовые, лиловые камешки насмешливо поблескивали на моей ладони...

Заглянул в сейф: у задней стенки лежал голубой конверт, в нем находились какие-то фотографии. Я высыпал их из конверта. Это были те непристойные, гривуазные картинки, которые в газетных объявлениях туманно называются «фотографиями парижского жанра». Мне стало даже как-то неудобно оттого, что их могла увидеть Янковская...

Но они не произвели на нее никакого впечатления.

Я сунул снимки обратно в конверт и пошел было из комнаты.

— Куда это вы? — остановила меня Янковская.

— Выбросить!

— Эти... картинки? Напрасно. Господин Берзинь держал их, как я думаю, для того, чтобы развлекать своих девушек...

Я пожал плечами.

— Знаете ли...

Янковская поджала накрашенные губы.

— Допустим, что вы... ну, что вы не такой, как ваш предшественник! Однако я не советую их выбрасывать. В нашей работе годится решительно все. Нельзя предвидеть всех положений, в которых можно очутиться.

Я колебался, но в таких делах она, несомненно, была опытнее меня.

— Да, да, иногда самые неожиданные вещи приносят неоценимую пользу,— добавила она.— Поэтому положите эти карточки обратно, места они не пролежат...— Она взяла у меня конверт и сама положила его на прежнее место.— Теперь пересчитайте валюту, ее надо беречь,— деловито посоветовала Янковская. — А сережки и кольца предназначены специально для вознаграждения девушек.

И я дарил приходившим ко мне девушкам то недорогой перстенек, то брошку...

Подарки они принимали охотно, но, вероятно, не возражали бы и против более нежного внимания к их особам.

Во всяком случае, Янковская, которая, должно быть, все время держала меня в поле своего зрения, как-то спросила:

— Скажите, Август, это трусость или принципиальность?

Я не понял ее.

— Вы это о чем?

— Тот, другой, на которого вы так похожи, был менее скромен,— сказала она. — Девушки на вас обижаются. Не все, но...

Меня заинтересовали ее слова, но совсем не в том смысле, какой она им придавала.

— А вы их видите?

— Не всех,— уклончиво ответила она. — Август посвящал меня не во все свои тайны...

— Но почему немцы так снисходительны к этому таинственному Августу? — спросил я ее тогда.— Контрразведка работает у них неплохо, и как это они при всей своей подозрительности не замечают этих довольно частых и, я бы сказал, весьма сомнительных посещений? Почему не обращают внимания на странное поведение Берзиня? Почему оставляют его в покое? Почему проявляют в отношении ко мне такое странное равнодушие?

— А почему вы думаете, что они к вам равнодушны? — не без усмешки вопросом на вопрос ответила мне Янковская.— Просто-напросто они отлично знают, что вы не Август Берзинь, а Дэвис Блейк.

Продолжение следует.

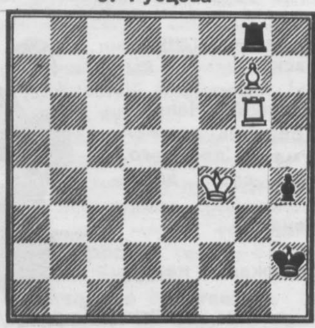

Под редакцией гроссмейстера Сало ФЛОРА

Чем проще, тем сложнее!

О. Рубцова

Е. Быкова

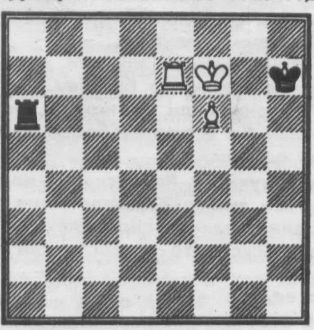
Ход черных.

В восьмой партии матч-реванша Рубцова — Быкова получилась позиция, изображенная на нашей диаграмме. Что же тут интересного, скажет читатель. Ничья? О, нет! Проигрывает 1... Крh3 **из-за** 2. Лg4. **К ничьей ведет только** 1... Крh1! 2. Крg4 h3! 3. Кр : h3 Л : g7!. **Рубцова полагала, что можно избрать любой порядок ходов, и сыграла ошибочно** 1... h3?, **а после** 2. Лg3! **можно было сдаваться.**

«Ах, как играют женщины!» — с иронической улыбкой говорили многие, видевшие это курьезное окончание. Но при желании можно собрать немалую коллекцию подобных курьезов, примеров шахматной слепоты и у мужчин-гроссмейстеров, вплоть до чемпионов мира. Вот один пример:

В. Менчик

Из турнира в Гастингсе 1929 года.

Х. Капабланка

Эту позицию можно встретить в любом учебнике. К тому же белыми играл Капабланка, лучший знаток эндшпиля! На доске всего одна пешка, но посмотрите, сколько произошло ошибок с обеих сторон!

1. Ле7—d7?...

Выигрывалось элементарно ходом 1. Крf8+.

1... Ла6—а8!

Правильно. Теперь получается ничейная позиция.

2. Лd7—е7 Ла8—а6?

А теперь черные снова проигрывают; правильно было 2... Лb8.

3. Крf7—f8+ Крh7—g6
4. f6—f7 Ла6—а8+
5. Ле7—е8 Ла8—а7
6. Ле8—е6+ Крg6—h7
7. Крf8—е8?? . . .

Комедия ошибок продолжается. Не верится, что ход 7. Кре8 **сделал Капабланка вместо элементарного** 7. Ле1 Ла8+ 8. Кре7 Ла7+ 9. Крf6 Ла6+ 10. Ле6, **и черным надо сдаваться. После хода Капабланки на доске снова ничейная позиция!**

7... Ла7—а8+
8. Кре8—е7 Ла8—а7+??

Последняя, решающая ошибка. После 8... Крg7 9. Ла6 Лb8 **черным пришлось бы соглашаться на ничью.**

9. Кре7—f6, **черные сдались.**

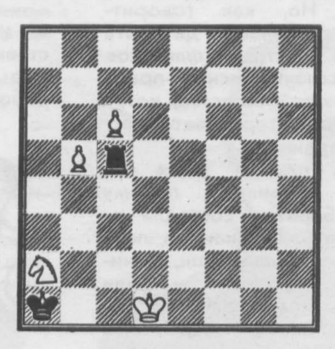
Чертовски трудная игра — эти шахматы! На доске одна пешка, все так просто. Но, оказывается, чем проще, тем сложнее!

Классический этюд

Примечания мастера Р. Кофмана

Имя выдающегося составителя шахматных этюдов М. С. Либуркина (1910—1953) широко известно не только шахматистам нашей страны, но и далеко за ее рубежами. Композиции Либуркина вызывают восхищение всех любителей шахмат оригинальностью и остротой своих замыслов, изяществом и естественностью построения. Приводимый ниже этюд, премированный в 1931 году на конкурсе журнала «Шахматный листок», по праву относится к шедеврам этюдного искусства.

М. С. Либуркин

Белые начинают и выигрывают.

Позиция этюда кажется выхваченной из игранной партии. На первый взгляд выигрыш не должен представить затруднений, так как далеко продвинутые белые пешки очень сильны. Но и черные располагают интересными и скрытыми ресурсами защиты.

1. Ка2—с1 Лс5 : b5
2. с6—с7 Лb5—d5+
3. Кс1—d3! Лd5 : d3+
4. Крd1—с2 Лd3—d4!
5. с7—с8Л! . . . . . .

После неосторожного 5. с8Ф Лс 4+ 6. Ф : с4 **черным пат!**

5... Лd4—а4

6. Крс2—b3, **и белые выигрывают. Следует заметить, что единственная в своем роде позиция после четвертого хода черных встретилась впервые в знаменитом этюде Ф. Сааведри, опубликованном в 1895 году. Либуркин обогатил игру вторым идейным вариантом.**

1. Ка2—с1 Лс5—d5+
2. Крd1—с2 ...

Здесь нельзя жертвовать коня: 2. Кd3? Л : d3+ 3. Крс2 Лd5, **и черные добиваются ничьей.**

2. ... Лd5—с5+
3. Крс2—d3! ...

Нельзя 3. Крd2? Л : b5 4. с7 Лb2+ 5. Крd1 Лс2! 6. Кр : с2, **и черным снова пат!**

3... Лс5 : b5
4. с6—с7 Лb5—b8

Черная ладья беспредельно самоотверженна и предпринимает последнюю отчаянную попытку спасти партию. Опять нельзя 5. с7 : b8ф **из-за пата. Но белых вполне устраивает и слон...** 5. с7 : b8С!, **и белые выигрывают.**

Подождем — увидим

Когда 15-летний чемпион США Боб Фишер узнал, что Международная шахматная федерация присвоила ему звание мастера, он немного разочарованно заявил: «Уж не могли дать гроссмейстера!»

Уверенность — хорошее качество. Не слишком ли рано она появилась у Фишера? Межзональный турнир в Порторожe покажет, «ошиблась» ли Международная федерация и является ли Фишер действительно «шахматным Моцартом» и «крупнейшим шахматным талантом всех времен», как его афишируют в американской печати. Подождем — увидим...

Будущие претенденты

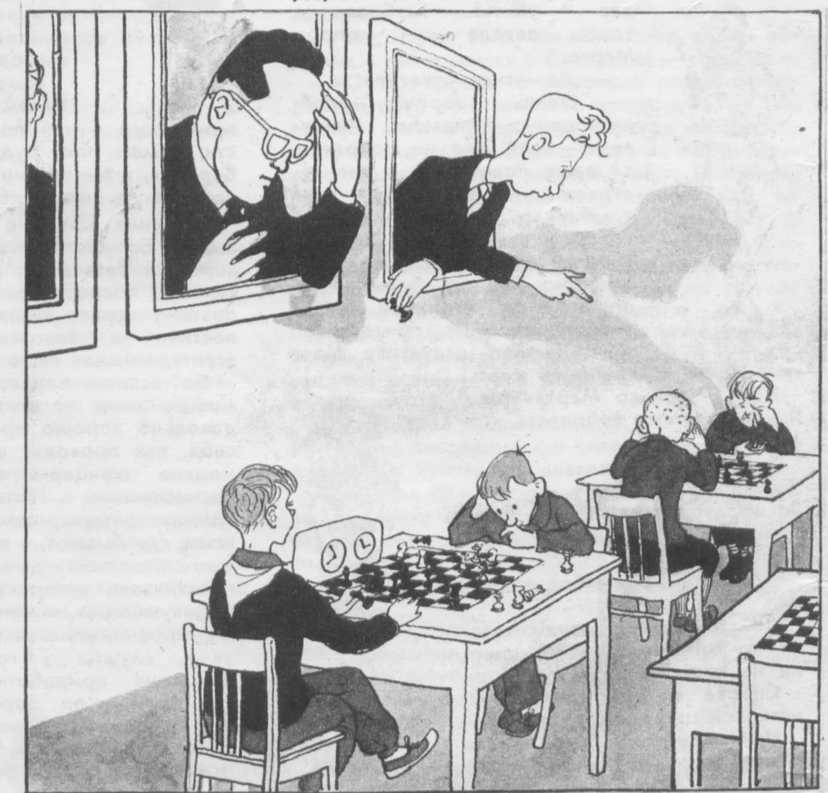

Рисунок Е. Горохова.

Проигранное пари...

Во время турнира в Цюрихе в 1934 году гроссмейстер Г. Штальберг и покойный гроссмейстер А. Нимцович вели дискуссию относительно одного варианта.

— Он в пользу белых, — говорил Нимцович.

— А я считаю, что черные выигрывают, — возражал Штальберг.

Гроссмейстеры заключили пари. Были расставлены шахматы, сделаны следующие ходы:

1. d2—d4 d7—d5 2. с2—с4 е7—е6 3. Кg1—f3 Кg8—f6 4. Кb1—с3 с7—с5 5. Сс1—g5 с5 : d4 6. Кf3 : d4 е6—е5 7. Кd4—b5 а7—а6 8. Кс3 : d5 а6 : b5. **Пока все было сыграно тихо. Но в этот момент Нимцович «со стуком» сыграл 9.** Кd5 : f6+

— Вам шах! Вы понимаете, шах!

— Да, конечно, понимаю,— с улыбкой ответил Штальберг и сыграл...

9... Fd8 : f6!

Тут Нимцович едва промолвил:

— Ах, вот какой хитрый!

И... сдался.

Любопытно, что на эту дебютную ловушку попался через три года американский гроссмейстер Р. Файн на турнире в Москве в 1937 году в партии с советским мастером М. Юдовичем. Понятно, что с лишней фигурой Юдович эту партию выиграл.

Нелепая месть

Собирая материал о жизни и деятельности выдающегося русского шахматиста Александра Александровича Алехина, я нашел любопытную деталь, о которой мне хочется рассказать читателям.

Как известно, в 1921 году, стремясь завоевать звание чемпиона мира по шахматам, Алехин уехал из Советского Союза и поселился в Париже. Жизнь жестоко наказала его за эту ошибку: до конца своих дней он оставался изгнанником-одиночкой и умер в пустом номере португальского отеля.

Факты говорят о том, что всю жизнь Алехин мечтал вернуться на Родину, и это вызывало гнев и недовольство белоэмигрантов. К известным уже фактам переговоров Алехина о матче с Ботвинником и его просьбам разрешить приезд в Москву добавляется следующий.

В 1935 году, во время матча с Максом Эйве, Алехин послал приветствие советским шахматистам. Выходившая тогда в Париже эмигрантская газета «Возрождение» напечатала сообщение об этом под заголовком «Не мистификация ли?».

В «Известиях» было помещено сообщение: «Редакцией шахматной газеты «64» получено от Алехина письмо следующего содержания: «Не только как долголетний шахматный работник, но и как человек, понявший громадное значение того, что достигнуто в СССР во всех областях культурной жизни,— шлю искренний привет шахматистам СССР по случаю 18-й годовщины Октябрьской революции.

А. Алехин. Амстердам 29 октября 1935 г.».

В ответ на это газета «Возрождение» поместила басню под названием «Басня о Горшке. Шахматисту Алехину». В ней русский чемпион, проигравший к тому времени матч М. Эйве, сравнивается с горшком, жившим «у Митрича в избе с резьбой». Горшок имел «от бога дар» и был «несокрушимым хватом», но однажды свалился с полки и разбился на куски. Без него в избе стало как будто чище.

Кончается эта грязненькая, мстительная басня следующим четверостишием:

Мораль имей, читатель, в голове,
А также не забудь при этом
Алехина, разбитого Эйве
И битым отошедшего к Советам.

Любопытно, что после этого газета «Возрождение» совсем перестала печатать материалы об Алехине.

Таким образом, уже в 1935 году, за одиннадцать лет до смерти Алехина, белоэмиграция считала его «отошедшим к Советам». В этом свете особенное значение приобретают слова Алехина, написанные им незадолго до смерти.

«Посвятив свою жизнь шахматам,— писал чемпион мира,— я никогда не принимал участия в чемлибо, не имеющем отношения к моей профессии. К несчастью, всю мою жизнь — особенно после того, как я завоевал мировое первенство по шахматам, — люди приписывали мне совершенно абсурдные политические взгляды.

Около двадцати лет я ношу прозвище «белого русского», что мне особенно больно, так как это делало для меня невозможной связь с моей Родиной, хотя я никогда не переставал любить и восхищаться ею».

А. КОТОВ,
гроссмейстер

Механическая ловушка

Микола БИЛКУН

Рисунки А. КАНЕВСКОГО.

— Мыши, мыши проклятущие, погибели на них нет! Это же такие ненасытные твари, что не только каких-нибудь три — четыре пуда крупы и двадцать кило сала истребят, а еще и без головы оставят,— сказал Каленик Маврикиевич, горестно глядя на председателя ревизионной комиссии и придвигая к нему чернильницу.

Председатель ревизионной комиссии Данило Ворочок, поджав губы, молчал. Молчали и члены колхозной ревизионной комиссии. Это молчание так доняло, так доняло Каленика Маврикиевича, что он не отважился больше проклинать мышей. Ворочок покачал головой, покряхтел и потянулся к ручке. Каленик Маврикиевич ощутил, как радостно встрепенулось его сердце.

Данило, однако, не спешил подписывать акт. Он снова покачал головой и сказал:

— И откуда у тебя эти мыши берутся, не придумаю. Склад кирпичный, пол цементный. Хоть бы щелка...

Ревизионная комиссия заговорила вся сразу. Одни дивились ненасытности мышей, другие тому, что они так быстро расплодились в новом складе.

— Ты бы кота завел, Каленик,— посоветовал один из членов ревизионной комиссии.

— Кота? Кот — это пройденный этап. Кустарщина. Пусть коты ловят мышей у старух в чуланах, а в колхозном складе мы наладим механизированный лов мышей,— сказал Ваня Ковальчук, помощник колхозного кузнеца.

— А это еще как?

— Обязуюсь сделать механическую автоматическую ловушку!— торжественно обещал Ваня.

Под этот разговор Данило Ворочок, кряхтя и вздыхая, подписал акт. Вслед за ним поставили подписи все члены ревизионной комиссии.

Каленик Маврикиевич отер рукавом обильный пот, проступивший на лбу, и с облегчением вздохнул.

— А хорошего кота ты все-таки найди, Каленик, — сказали на прощание члены ревизионной комиссии,— а то, пока Ваня механическую ловушку соорудит, мыши весь склад съедят, только фундамент останется...

Ваня, однако, не подвел. Через несколько дней он пришел к Каленику Маврикиевичу и принес что-то завернутое в газету.

— Прошу,— начал он, стараясь быть скромным, и все же нотки гордости звенели в его голосе.— Механическая ловушка!

И он развернул газету. Каленик Маврикиевич увидел какую-то машинку необычайно сложной конструкции. Ваня достал из бокового кармана схему и открыл технический семинар.

— Значит, так. На передней раме у нас четыре отверстия. На схеме они обозначены как отверстия «А». Мыши должны поступать именно в них. В отверстиях «А» находятся петли из стальной проволоки. Как видите, петли на схеме помечены буквой «Б». Кроме того, на задней раме расположены специальные рычажки, они обозначены буквой «В»...

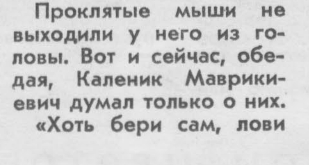
Были тут и пружинки «Г», и рычаги «Д», и еще немало разных технических приспособлений. Глаза Вани восторженно горели. Он нежно погладил ловушку и сказал:

— Это, Каленик Маврикиевич, целый агрегат! Он может уничтожать четырех мышей одновременно. Мышь поступает в отверстие «А», безусловно, задевает рычаг «В», в то же мгновение пружина «Г» разжимается, увлекает рычаг «Д», и петля «Б» душит мышь. Очень просто!

Каленик Маврикиевич растерянно поблагодарил Ваню и поставил «агрегат» в угол склада.

Шли дни. Механическая ловушка стояла в углу. Мыши почему-то упорно не хотели поступать в отверстие «А» и задевать рычаг «В», не разжималась пружина «Г», не тянула рычага «Д», и петля «Б» не задушила ни одной мыши. Ваня ежедневно справлялся о результатах работы механической ловушки. Каленик Маврикиевич только разводил руками. Он страстно желал, чтобы в ловушку попала хоть бы одна мышь. Хоть маленькая, хоть завалященькая.

Проклятые мыши не выходили у него из головы. Вот и сейчас, обедая, Каленик Маврикиевич думал только о них.

«Хоть бери сам, лови мышей и запихивай их в ловушку!» — думал он, обсасывая косточку.

В эту минуту под лавкой что-то зашуршало. Донеслось сердитое урчание. Из-под лавки выскочил кот Васька, держа в зубах здоровенную мышь. Блестящая идея осенила Каленика Маврикиевича, и он, как ястреб на курицу, кинулся на Ваську.

Борьба была недолгой и завершилась полной победой Каленика Маврикиевича, хоть Васька и отчаянно сопротивлялся. Дрожащими, исцарапанными руками Каленик Маврикиевич завернул в бумажку свою добычу и побежал на склад. Присев у «агрегата», Каленик Маврикиевич попытался протиснуть мышь в отверстие «А», и тут случилось такое, чего не предвидел Ваня и чего никак не ожидал Каленик Маврикиевич. От неосторожного движения механическая ловушка зловеще щелкнула, и Каленик Маврикиевич ощутил жгучую боль в двух пальцах. Несомненно, он задел рычаг «В», пружина «Г» разжалась, потянула рычаг «Д», и петля «Б», петля из надежной стальной проволоки, схватила за пальцы Каленика Маврикиевича, схватила и с автоматическим равнодушием начала сжимать.

Попытки самоосвобождения ни к чему не привели. Каленик Маврикиевич пробовал разбить ловушку, но безуспешно. Ловушка была сделана на совесть. Недаром ее мастерил подручный лучшего колхозного кузнеца Ваня Ковальчук. Освободить пальцы Каленика Маврикиевича из петли «Б» и отверстия «А» мог только он. И Каленик Маврикиевич, поддерживая свободной рукой ловушку, бранясь и проклиная весь мир, побежал искать Ваню.

Ваня отнесся к положению Каленика Маврикиевича скорее с профессиональным интересом, нежели с сочувствием. Пока Каленик Маврикиевич морщился от боли, он деловито осматривал свой «агрегат».

— Хорошо сработал! А я боялся, что пружина слишком туга. И петля затянулась исправно. Крепкая проволока! Представляете себе, Каленик Маврикиевич, что было бы, если бы вместо ваших пальцев туда попала мышь?

— Разбирай скорей свою чертоловку! — зашипел Каленик Маврикиевич.— Дьявол тебя побери вместе с нею! Языку б твоему в ту петлю, знал бы, как треп разводить! Пальцы болят так, что под сердцем печет, а он треплется. Разбивай ее ко всем чертям!

— Такой агрегат портить! Потерпите минутку, я аккуратно...

В это время в кузницу вбежал хлопчик-посыльный.

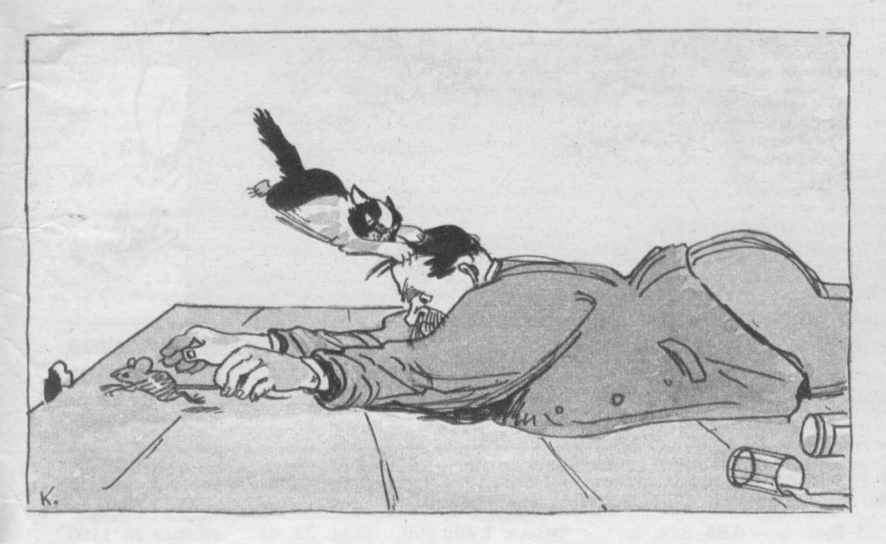
— Дядька Каленик! А дядька Каленик! Вас председатель зовет, там из района какие-то ревизоры приехали.

У Каленика Маврикиевича засосало под ложечкой, по спине побежали мурашки, а в голове промелькнуло: «Ну, из этой ловушки я так легко не выберусь!»

Ваня спокойно нажал на рычаг «В», пружина «Г» сжалась, и петля «Б» наконец отпустила Каленика Маврикиевича.

Через минуту он уже рысью бежал к конторе, дуя на ходу на посиневшие пальцы и проклиная всех мышей и все мышеловки на свете.

Перевод с украинского.

САМАЯ МОДНАЯ РУБАШКА

Популярность советских искусственных спутников Земли находит иногда самые неожиданные применения. Предприимчивые владельцы текстильных фабрик в Индонезии использовали ее для... раскраски тканей. В Джакарте пользуются успехом рубашки с такими узорами. Чтобы не было сомнения, что имеется в виду, как видите, даже написано: Sputnik.

Г. ГАЛКИН

Джакарта.

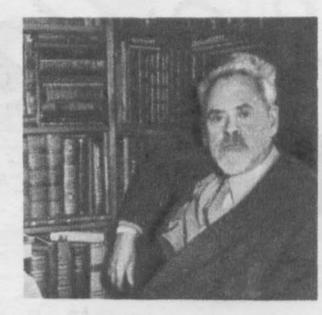
Идет направо — песнь заводит...

Налево — сказку говорит...

В. Соловьев

Библиотека поэтов

В 1887 году, когда отмечалось пятидесятилетие со дня смерти Пушкина, гимназист II класса Иван Розанов купил на сбереженные деньги восьмитомное издание сочинений поэта и с этого приобретения начал постепенно собирать свою библиотеку.

Прошло много лет. Гимназист стал профессором Иваном Никаноровичем Розановым, автором многих работ по русской лирике и песне, а его библиотека превратилась в обширное и единственное в своем роде собрание книг русских поэтов.

Наибольшая редкость в библиотеке — издания и публикации за полтора века русской поэзии, от напечатанных в 1730 году первых в России светских стихов «студента Василья Тредиаковского» до сборника «Венок на памятник А. С. Пушкину», выпущенного в 1880 году в связи с открытием в Москве, на Тверском бульваре, известного монумента. В этот раздел входят все прижизненные издания крупнейших поэтов; книги с автографами Тредиаковского, Державина, Крылова, Жуковского, Рылеева, Кольцова; один из уцелевших от пожара Москвы в 1812 году экземпляров «Собрания оставшихся сочинений покойного Александра Николаевича Радищева»; случайно сохранившиеся первые опыты Некрасова «Мечты и звуки»; изданный за границей в 1859 году сборник Некрасова с восстановлением исключенных царской цензурой стихов и авторской правкой печатного текста.

В библиотеке можно найти любого поэта, включая тех, которых знают даже не все литературоведы. Богато представлены песенники, одни из самых редких книг, так как обычно их никто не берег и не собирал. Они послужили основой для известных работ И. Н. Розанова «Песни русских поэтов» и «Русские песни XIX века».

Поэзию периода от 1881 года до наших дней собирать Розанову было значительно легче. Она представлена со всей возможной полнотой и, в частности, книгами с автографами Брюсова, Блока, Маяковского, Есенина, стихами первых пролетарских поэтов.

Многие книги библиотеки И. Н. Розанова заслуживают подробного описания. Библиофил и библиограф могут найти в ней издания, которых нет даже в крупнейших книгохранилищах, а историк литературы и литературовед — богато представленные печатные и рукописные источники по русской и советской поэзии.

Б. АЛЕКСЕЕВ

Фото Г. Санько.

Май цветов

Из Грузии, Латвии, Эстонии, Ленинграда, Киева и других мест прибыли на выставку цветов в столицу пышные розы, белоснежные лилии, петунии с мягкими розовыми лепестками, гордые тюльпаны, нежные гвоздики. Зелено-красно-белые ковры разбросаны по трем залам павильона Центрального парка культуры и отдыха имени Горького.

Невысокий холмик с причудливыми камнями, на нем тропические декоративные растения. Здесь уголок грузинских садоводов. Они привезли в Москву не только цветы, но землю и камни. Садовод М. А. Мамулашвили красочно оформил экспозицию своей республики. Мамулашвили —85 лет, но садовод все еще трудится на своем небольшом участке в Мцхетах.

Цикламены — оранжерейные растения, которые обычно цветут зимой. А здесь целая коллекция этих красивых цветов — от нежно-розовых до пурпурно-красных. Их вырастила С. Ф. Кузнецова, которая уже 15 лет разводит цикламены.

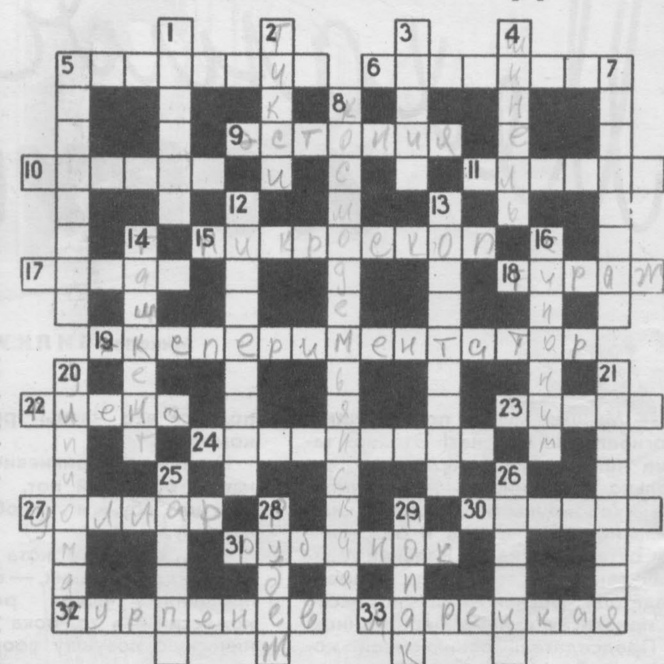
Вот и самый настоящий сад. Сад с зелеными лужайками, где растут фиалки и ландыши, с елочками и молодыми соснами, с кустами цветущей сирени, с клумбами, засаженными примулами, гвоздиками, тюльпанами, с журчащими ручейками. Нет только соловьев, но зато весело щебечут воробьи...

Любители-цветоводы получили на выставке добрые советы, которые помогут им озеленить свой двор, улицу, район.

Т. ТРОИЦКАЯ

Фото М. Фридлянда и И. Снегирева.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Автор памятника А. С. Пушкину в Ленинграде. 6. Соцветие у растений. 9. Союзная республика. 10. Спортивная игра. 11. Озеро на Прикаспийской низменности. 15. Оптический прибор. 17. Киргизский народный эпос. 18. Розыгрыш в займе, лотерее. 19. Человек, производящий научный опыт. 22. Животное семейства лошадей. 23. Горы в Западной Румынии. 24. Участник первой русской кругосветной экспедиции. 27. Денежная единица некоторых стран. 30. Род древовидных злаков. 31. Столярный инструмент. 32 Писатель XIX века. 33. Народная артистка СССР.

По вертикали:

1. Спортивное судно. 2. Бухта в море Лаптевых. 3. Металл платиновой группы. 4. Повесть Н. В. Гоголя. 5. Летательный аппарат. 7. Сосуд для нагревания под давлением. 8. Комсомолка-партизанка. 12. Метод лечения токами высокой частоты. 13. Совмещение, соединение. 14. Столица среднеазиатской республики. 16. Слово, близкое по значению другому. 20. Роман Д. Олдриджа. 21. Ремни для ношения оружия. 25. Рыба семейства осетровых. 26. Одежда оленевода. 28. Граница. 29. Украинский танец.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 21

По горизонтали:

3. Холст. 6. «Дубинушка». 9. Голубеводство. 15. Оправа. 18. Днёвка. 19. Профиль. 20. «Венгерка». 21. Конспект. 23. Газолин. 24. Осипов. 25. Англси. 28. Станиславский. 31. Минералог. 32. Пиния.

По вертикали:

1. Кошице. 2. Эскудо. 4. Чубук. 5. Окись. 7. Возвышенность. 8. Квинтэссенция. 10. Верфь. 11. «Коновалов». 12. Уравнение. 13. Гватемала. 14. Каратыгин. 16. «Арзамас». 17. Флексия. 22. Посол. 26. Инжир. 27. Оскол. 29. Сиенит. 30. Арахис.

На вкладках этого номера репродукции картин В. Максимова — «Аукцион за недоимки», А. Рылова — «Финляндия», И. Айвазовского — «Буря», К. Горбатова — «Зима» и четыре страницы цветных фотографий.

ОСТАЛИСЬ ОТ КОЗЛИКА...

Л. и Ю. Черепановы.

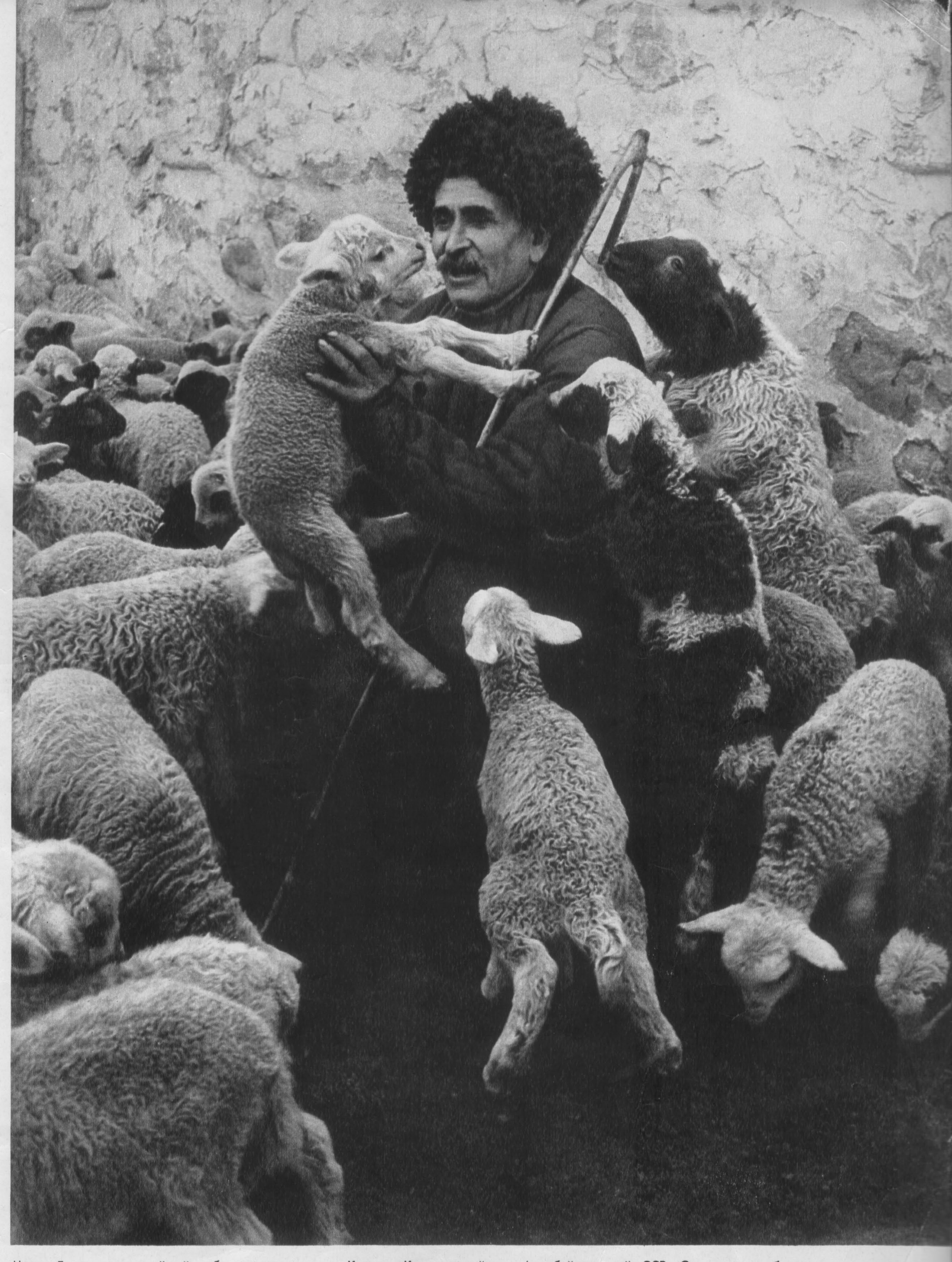
Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Е. Н. ЛОГИНОВА, И. А. УРАЗОВ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление В. Епанешникова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67, Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 03549. Подписано к печати 21/V 1958 г. Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 400 000. Изд. № 437. Заказ № 1102.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Мирза Гаджиев — старейший чабан колхоза имени Кирова, Кахского района, Азербайджанской ССР. Он вырастил более 50 тысяч ягнят.

Фото Ф. Шевцова.

Цена номера 3 руб.

